

От автора мировых бестселлеров
«Сорок правил любви» и «Ученик архитектора»

ЭЛИФ ШАФАК

*Стамбульский
бастард*

Элиф Шафак

Стамбульский бастард

Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65746133

Стамбульский бастард : роман / Элиф Шафак ; пер. с англ. Т.

Апакидзе: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-389-19839-5

Аннотация

Роман «Стамбульский бастард» представляет историю двух семей, турецкой и армянской, разделенных драматическими событиями на их родине в начале двадцатого века. Никто из членов этих больших семей даже не подозревает, что трагедия прошлого тесно связала их невидимыми нитями. Но вот в Стамбул из Сан-Франциско приезжает американка армянского происхождения Армануш, которая хочет распутать клубок семейных тайн и разобраться в себе. В Стамбуле она останавливается у турецких родственников отчима, где знакомится со своей сверстницей – девятнадцатилетней Асией. Девушки быстро находят общий язык, несмотря на то что их разделяет воспитание, образование, различное отношение к исторической правде...

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	53
Глава 3	73
Глава 4	87
Глава 5	109
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Элиф Шафак

Стамбульский бастард

Elif Shafak

THE BASTARD OF ISTANBUL

Copyright © Elif Shafak, 2007

This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Тамар Апакидзе

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

© Т. Г. Апакидзе, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗ-

Глава 1

Корица

*Было то или не было... Когда-то давным-давно
Божьим созданиям не было числа, как зернам
пшеницы, а говорить слишком много считалось
грехом...*

Присказка турецкой сказки... и армянской

Не хули того, что падает с неба. Что бы это ни было. В том числе дождь. Что бы ни обрушилось сверху, грозовой ливень или мокрый снег, не брани то, что для нас уготовили небеса.

Это знает всякий. В том числе и Зелиха. И тем не менее сегодня, в первую пятницу июля, она несется по тротуару вдоль запруженной транспортом проезжей части, отчаянно опаздывая на прием, и ругается, как сапожник, материт на чем свет стоит и разбитую мостовую, и свои высоченные каблуки, и мужика, что за ней увязался, и водителей, которые все как один ошалело гудят, будто клаксонами могут повлиять на пробку, и Оттоманскую Порту, которая когда-то имела глупость завоевать Константинополь и с тех пор упорствует в былых ошибках, и, конечно, этот проклятый летний дождь.

Дождь здесь просто пытка. В других частях света ливень чаще всего оказывается благом. Ему рады посевы, рады жи-

вотные и растения, а если добавить немного романтики, то ему рады и влюбленные. Во всем мире, но только не в Стамбуле. Здесь дождь не обязательно означает промокнуть. Или даже испачкаться. Нет, он повод разозлиться. Дождь – это ведь грязь, хаос и ярость, словно нам их и без того мало. И еще дождь – это борьба. Всегда. Десять миллионов человек, как барахтающиеся в воде беспомощные котята, тщетно сражаются с летящими каплями. Не то чтобы мы были совсем одиноки в этой борьбе. Вместе с нами – улицы с их допотопными названиями, нанесенными по трафарету на жестяные таблички, и разбросанные здесь и там гробницы бесчисленных святых, и горы мусора, поджидающие на каждом углу, и пугающе огромные строительные котлованы, которые скоро превратятся в помпезные современные здания. Мы все злимся, когда небеса, разверзшись, плюют нам на голову.

Но потом, когда на землю падают последние капли, а другие повисают на отмытых от пыли листьях, в беззащитное мгновение, когда мы еще не уверены, что дождь прекратился, и дождь тоже в этом не уверен, в светлый промежуток вдруг снисходит умиротворение. На протяжении одной долгой минуты небо будто извиняется за весь учиненный бардак. А мы, с пропитанными влагой волосами и сырыми обшлагами, все еще уныло и опасливо всматриваемся в прояснившееся лазурное небо. Смотрим и невольно улыбаемся в ответ. Мы прощаем небо. Всегда.

Пока, впрочем, дождь лил как из ведра, а Зелиха вовсе не

склонялась к прощению, ибо была без зонта. Дело в том, что она зареклась снова покупать очередной дорогуший зонт у очередного уличного торговца – все равно, дура безмозглая, забудет его неизвестно где при первых лучах солнца. А промокнет до нитки – ну и поделом, сама виновата, тем более что теперь слишком поздно, она и так уже хоть выжимай. Этим дождь похож на горе. Ты изо всех сил стараешься уберечься, но, когда оказывается, что усилия тщетны, пересташь считать капли и всецело отдаешься обрушившемуся на тебя бурному потоку.

Дождь стекал с ее темных кудрей на широкие плечи. В отличие от всех своих родственниц, Зелиха не выпрямляла и не красила черные как вороново крыло курчавые волосы – родовой признак женщин семьи Казанчи.

В ее зеленых, как нефрит, обычно широко распахнутых глазах блеснул живой ум, но порой она щурилась, и тогда они превращались в две равнодушные щелочки. Только три категории людей бывают способны на абсолютное безразличие: безнадежно наивные, безнадежно замкнутые и полные безнадежной надежды. Зелиха не попадала ни в одну из категорий, и было непонятно, откуда берется это, пусть и совсем мимолетное, безразличие. Оно то находило, внезапно окутывая душу дурманом апатии, то исчезало, оставляя Зелиху наедине с собой. Так было и в эту первую пятницу июля. Зелиха ничего не чувствовала, как под наркозом. А для такой темпераментной натуры это очень скверно. Не потому

ли она даже не пыталась продираться сквозь толпу, да и с дождем тоже смирилась? У этого безразличия был собственный ритм. Оно накатывало и снова отпускало, а с ним и настроение скакало из крайности в крайность, из жара в холод, туда-сюда, как маятник.

Торговавшие зонтиками, дождевиками и пестрыми синтетическими шарфами лоточники изумленно наблюдали за несущейся мимо Зелихой. Она не обращала на них внимания, ей вообще удавалось не замечать голодные взгляды мужчин, вечно пожиравших глазами ее тело. От продавцов не ускользнуло и поблескивавшее у Зелихи в носу кольцо, как если бы проколотый нос объяснял все ее нескромное поведение и тем самым сообщал о ее похотливой природе. Пирсинг был для Зелихи предметом особой гордости: она сделала его себе сама. Было очень больно, зато теперь кольцо стало неотъемлемой частью ее образа, менять который она не собиралась. Пусть мужчины вечно липнут, пусть женщины осуждают, пусть ей не пройти нормально по разбитой мостовой и не запрыгнуть на паром, пусть мама постоянно ворчит – Зелихе все равно. Никакая сила не заставит ее, которая к тому же выше большинства женщин этого города, отказаться от блестящих нейлоновых чулок, ярких мини-юбок, узеньких кофточек, обтягивающих пышную грудь, и от любимых высоченных каблуков.

На беду, Зелиха сделала неосторожный шаг – под расшатанным булыжником оказалась лужица, и грязь брызнула на

сиреневую юбку. Тут уж девушка разразилась потоком отборной брани. У них в семье никто так не ругался, да и вообще редкая турчанка умела сквернословить столь безудержно, громогласно и со знанием дела. Вспылив, Зелиха обычно уже не останавливалась, будто старалась за всех остальных женщин. Вот и сейчас она на бегу проклинала городские власти, как ныне действующие, так и прошлые, ведь не припомнить даже с самого раннего детства, чтобы эти булыжники хотя бы раз поправили и закрепили раствором после очередного ливня.

Впрочем, не успев завершить нецензурную тираду, Зелиха вдруг запнулась на полуслове, встрепелась, будто ее кто-то окликнул, и задрала подбородок, но не стала оглядываться по сторонам, а обиженно надула губы и уставилась в мутное небо. Прищурилась, вздохнула смущенно и снова выматерилась, на этот раз досталось проклятому дождю. А это, согласно нерушимым неписаным правилам ее дорогой бабушки Петит-Ма, было чистой воды святотатство. Можно не любить дождь, ясное дело, его уж точно никто не обязан любить, но никогда нельзя хулить то, что послано с неба, оно ведь не само на нас льется, а по воле Всемогущего Аллаха. Зелиха отлично знала все нерушимые неписанные правила Петит-Ма, но в эту первую пятницу июля она совсем распустилась и попросту на них плюнула. К тому же сказанного не воротишь и сделанного, кстати, тоже, случилось – и прошло. Зелихе некогда было предаваться сожалениям. Она

опаздывала к гинекологу. А это дело серьезное, ведь если видишь, что опаздываешь к гинекологу, бывает проще и вообще не пойти.

Рядом с ней резко затормозило желтое такси со множеством наклеек на бампере. За рулем сидел звероподобный, чернявый и неопрятного вида дядька, с золотыми зубами и огромными висячими усами, такой в свободное от работы время может и маньяком оказаться. Из открытых окон машины на всю катушку орало местное рок-радио, играла песня Мадонны «Like a Virgin». Кондовый облик таксиста совсем не вязался с его смелыми музыкальными пристрастиями.

Он высунул голову из окна, присвистнул и выкрикнул:

– Я бы не отказался!

Зелиха не дала ему продолжить:

– Ты что, больной? Женщине уже и по улице спокойно не пройти?

– Зачем идти? Я могу подвезти, – возразил таксист. – Не жалко такое шикарное тело мочить?

Под вопли заливавшейся Мадонны: «Мой страх быстро тает. Я берегла свою любовь для тебя», Зелиха разразилась новой порцией отборной брани, преступая тем самым еще одно нерушимое неписаное правило, на этот раз не из заповедей Петит-Ма, а из собственных правил женского благоразумия: когда пристают, не огрызайся.

Золотое правило благоразумия стамбульской

женщины: когда донимают на улице, не отвечай. Если ответишь или – боже упаси! – огрызнешься, только подольешь масла в огонь и раззадоришь мужика.

Зелиха не понаслышке знала золотое правило и понимала, что нарушать его никак нельзя, но сегодня была особенная пятница. Казалось, с цепи сорвалась еще одна Зелиха – беззаботная, отвязная и яростная. Эта вторая Зелиха целиком завладела ее сознанием, приняла на себя командование и решала за обеих. Вот почему девушка продолжала ругаться во весь голос, заглушая даже Мадонну, а прохожие и продавцы зонтиков стали собираться посмотреть на заварушку. Мужчина, который плелся за ней хвостом, испугался возникшей суматохи и дал деру, решив не связываться с психопаткой. А вот таксисту скандал был нипочем, он явно не отличался здравомыслием, был не из робкого десятка и только одобрительно ухмылялся. Зелиха невольно заметила, какие у него прекрасные белоснежные зубы, – наверное, поставил фарфоровые коронки. Она снова почувствовала, как внутри поднимается волна адреналина, все нарастает, нарастает, так что даже живот сводит, сердце бьется, как бешеное, и, кажется, недолго прикончить кого-нибудь. Уж если у них в роду кому-то суждено стать убийцей, то, очевидно, ей.

Зелихе повезло: в этот самый миг водитель тащившейся за такси «тойоты» потерял терпение и принялся сигналить. Она словно очнулась от страшного сна, осознала происходящее и ужаснулась тому, в какое незавидное положение попала. И,

как всегда, испугалась своей склонности к насилию. Она тотчас замолчала, развернулась и попыталась потихоньку выскользнуть из толпы. Но, увы, слишком поспешила, оступилась, и правый каблук застрял под шатким булыжником. Зелиха яростно дернула ногу и высвободила туфлю, но каблук сломался, напомнив об одном правиле, которое ей следовало соблюдать прежде всего.

Серебряное правило благоразумия стамбульской женщины: когда пристают на улице, держи себя в руках. Потеряв самообладание, женщина может слишком бурно отреагировать и только навредит себе.

Таксист захохотал, «тойота» снова засигналила, дождь припустил, а прохожие дружно зацокали языками. Непонятно, правда, что именно они так осуждали. И тут Зелиха заметила радужную наклейку на бампере такси «НЕ НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ДЕРЬМОМ. У ДЕРЬМА ТОЖЕ ЕСТЬ СЕРДЦЕ». Девушка стояла, тупо уставившись на надпись, и вдруг почувствовала беспредельную усталость и оцепенение, словно это вовсе не будничные проблемы, знакомые каждому стамбульскому жителю. Похоже, в этих буквах был зашифрован некий таинственный код, специально придуманный лично для нее неведомой разумной силой, код, который ей, простой смертной, не дано разгадать за отпущенный короткий срок. Такси и «тойота» наконец уехали, да и столпившиеся вокруг зеваки стали расходиться, а Зелиха так и стояла, сложив руки нежно и печально, словно держала не каблук, а мертвую

птичку.

В сумбурном мире Зелихи, пожалуй, могло найтись место мертвым птицам, но никак не печали и нежности. Ей такого добра не надо. Она выпрямилась и по возможности элегантно поковыляла на одном каблуке. Не прошло и минуты, как она уже неслась среди зонтиков, сверкая потрясающими ногами и немного прихрамывая на ходу, выбиваясь из общего ритма, как диссонирующая нота. Непокорной сиреневой нитью вплеталась она в бесконечное серо-коричневое людское полотно. Да, она выбивалась из общей массы, но толпе все же удалось заглотить ее в необъятное чрево, подчинить своему руслу. Толпа эта не была случайным скопищем сотен потных, измученных, тяжело дышащих тел – под дождем мокло одно потное, измученное, тяжело дышащее тело. Не так уж важно, солнце или дождь. Идти по Стамбулу – значит, идти в ногу с толпой.

Вдоль Галатского моста выстроились десятки грубоватого вида рыбаков. Они стояли молча, бок о бок, у каждого в одной руке зонтик, в другой – удочка. Проходя мимо них, Зелиха позавидовала их способности стоять так, не шелохнувшись, и часами выжидать рыбу, которая никогда не клюнет. А если и удастся что-то выловить, то только такую жалкую мелочь, которая разве что сгодится на наживку для рыбы покрупнее, а та уж точно никогда не клюнет, потому что ее тут нет. Удивительная способность делать так много, не делая, по сути, ничего, и в итоге возвращаться домой с пустыми ру-

ками, но с чувством глубокого удовлетворения. В этом мире безмятежность была залогом удачи, а удача – источником блаженства. Так предполагала Зелиха. По этому конкретному поводу она могла лишь строить догадки, ведь подобную безмятежность она не знала и вряд ли узнает. По крайней мере, не сегодня. Уж точно не сегодня.

Несмотря на спешку, она завернула на Гранд-базар и замедлила шаг. На покупки времени не было, только взглянуть, убеждала она себя, обозревая витрины. Она закурила, и с первыми же колечками дыма ей стало лучше, почти совсем отпустило. Стамбульцы были невысокого мнения о женщинах, которые курят на улице, ну и плевать. Она и так уже объявила войну этому обществу. Зелиха передернула плечами и направилась в старейшую часть базара.

Многие торговцы знали ее по имени, особенно ювелиры. У Зелихи была неодолимая тяга к блестящим побрякушкам. Хрустальные заколки, брошки со стразами, яркие сережки, жемчужные бутоньерки, шарфы с зебровым узором, атласные сумочки, шифоновые платки, шелковые помпоны и... туфли, всегда на высоченном каблуке. Еще не было случая, чтобы она просто так прошла мимо базара. Оказавшись здесь, она непременно должна заскочить хотя бы в пару лавок, поторговаться с хозяевами и в итоге заплатить куда меньше запрошенной суммы за кучу вещей, которые вовсе и не собиралась покупать. Но сегодня она лишь пробежалась вдоль рядов, мельком глянув на витрины, вот и все.

Зелиха задержалась у лотка, на котором пестрело множество баночек, склянок и бутылочек со всевозможными травами и пряностями. Она вспомнила, что утром одна из сестер, какая именно, напрочь забылось, попросила ее купить корицы. Четыре сестры, среди которых Зелиха была самой младшей, никогда ни в чем не соглашались, но каждая была неизменно убеждена в собственной правоте, а также в том, что остальным есть чему у нее поучиться, а вот ей у них – учиться, конечно, нечему. Это как проиграть в лотерею, поскольку твой билет на одну-единственную цифру отличается от счастливого. Как ни крути, ты всегда оказываешься жертвой непоправимой несправедливости. Зелиха купила корицы, не в порошке, а целые палочки. Торговец пригласил ее попить чая, выкурить сигаретку и немного поболтать. Девушка согласилась на все три предложения. Сидя в лавке, она равнодушно рассматривала полки, и вдруг взгляд ее остановился на наборе чайных стаканчиков. К ним Зелиха питала особую слабость. Разве можно не купить эти стаканчики, все в золотых звездочках, а заодно изящные ложечки и тоненькие блюдца с золотой каемкой? У них дома уже не меньше тридцати подобных сервизов, и все ее приобретения. Но еще один не помешает, ведь они так легко бьются.

– Такие хрупкие, черт возьми... – чуть слышно прошептала Зелиха.

Из всех дам семейства Казанчи только она приходила в ярость, когда чайные стаканчики разбивались. Между тем

Петит-Ма, старушка семидесяти семи лет, смотрела на это совсем иначе.

– Вот опять дурной глаз! – восклицала Петит-Ма всякий раз, когда очередной стаканчик давал трещину, а потом разлетался на осколки. – Слышали этот жуткий звук? Кряк! Ох, как в сердце-то отозвался! Не иначе сглазить нас хотят какие-то злобные завистники. Да хранит нас всех Аллах!

Петит-Ма облегченно вздыхала всякий раз, когда разбивался стакан или трескалось зеркало. Уж коли мы не в силах смести с лица земли всех злых людей, пусть уж лучше стекло принимает удар и не дает дурному глазу губить невинные божьи создания, проникая прямо в их души.

Двадцать минут спустя Зелиха, со сломанным каблуком в одной руке и чайным сервизом в другой, влетела в шикарный кабинет гинеколога в одном из самых дорогих районов города. В дверях она поняла, что забыла на Гранд-базаре сверток с корицей.

В приемной ожидали три женщины с жуткими волосами и мужчина вовсе без волос. Со свойственным ей цинизмом Зелиха сразу сделала выводы. По позам все уже ясно. Меньше всех из них волновалась самая молодая. Она со скучающим видом просматривала картинки в женском журнале, читать статьи ей было явно лень – наверное, пришла за новым рецептом на противозачаточные таблетки. У окна нервно раскачивалась блондинка с непрокрашенными корнями,

лет эдак тридцати с небольшим, – надо думать, явилась на профилактический осмотр и сдать мазок из шейки матки. Третья была в платке, с мужем и переживала больше всех. Уголки рта скорбно опущены, брови нахмурены. Наверное, забеременеть не может. Для кого-то, подумала Зелиха, это причина несчастья, хотя как посмотреть. Лично она не считала бесплодие худшим, что может случиться с женщиной.

– Пррривет!!! – прощebetала секретарша, изображая на лице очередную идиотскую фальшивую улыбку, которая была так хорошо отработана, что не казалась уже ни идиотской, ни фальшивой. – Вы у нас на трррри?

Секретарше, кажется, не давался звук «р», но она всеми силами старалась компенсировать картавость, и всякий раз, когда приходилось произносить злополучную букву, говорила громче и раскатистей и расплывалась во внеочередной улыбке. Желая помочь бедняжке, Зелиха поспешно и, наверное, чересчур радостно закивала.

– И зачем же именно вы к нам пожаловали, Мисс-Три-Часа?

Зелиха предпочла не думать о том, насколько глупым был вопрос. Она слишком хорошо понимала, что сама была напрочь лишена подобной безусловной жизнерадостности, которую многие женщины излучают по любому поводу и при любых обстоятельствах. Иные женщины улыбались всегда, как на посту, улыбались с истинно спартанской выдержкой, будто по велению долга. Это же неестественно, но у секре-

тарши так натурально получается. Интересно, где она только научилась?..

Вопрос этот мучил Зелиху, но она отогнала его и спокойно ответила:

– Аборт.

Слово повисло в воздухе, и все присутствующие будто следили, как оно медленно опускается. Секретарша прищурилась, потом вылупила глаза, с ее лица сошла улыбка. Зелихе невольно стало легче. В конце концов, такая безусловная и всеобъемлющая жизнерадостность пробуждала в ней жажду мести.

– У меня прием назначен, – сказала Зелиха, заправляя за ухо локон, в то время как вся масса ее темных кудрей ниспадала на плечи и обрамляла лицо, словно черное покрывало. Она выпятила подбородок, выставив вперед свой орлиный нос, и повторила на полтона громче, чем собиралась, а может быть, ровно так, как надо. – Я пришла сделать аборт.

Секретарша замерла перед огромным кожаным грессбухом, не зная, что делать: то ли смерить нахалку осуждающим взглядом, то ли невозмутимо зарегистрировать очередную пациентку. Прошло еще несколько секунд, прежде чем она опомнилась и принялась что-то строчить.

– Простите, что опоздала. – Зелиха взглянула на стенные часы, и у нее потемнело в глазах: она опоздала на сорок шесть минут. – Это все дождь.

Что было не вполне справедливо, потому что опоздание

можно было с тем же успехом свалить и на пробку, и на разбитую мостовую, и на городские власти, и на увязавшегося за ней мужика, и на таксиста, не говоря уже об остановке на базаре. Но Зелиха предпочла умолчать обо всех этих обстоятельствах. Да, она нарушила золотое правило благоразумия стамбульской жительницы, она также нарушила и серебряное правило благоразумия стамбульской жительницы, но она верно следовала бронзовому правилу.

Бронзовое правило благоразумия стамбульской жительницы: когда к тебе пристают на улице, уходи и постарайся поскорее забыть всю историю. Потому что весь день вспоминать о таком — только зря переживать.

Зелихе хватало ума понять: если сейчас она расскажет, что к ней приставали на улице, другие женщины не поддержат ее, — напротив, в таких случаях они обычно еще и осуждают жертву оскорбления. Поэтому Зелиха не стала распространяться и свалила все на дождь.

— Сколько вам лет, девушка? — поинтересовалась секретарша.

Опять этот идиотский вопрос, причем совершенно неуместный. Зелиха поглядела на секретаршу прищурившись, словно принаравливаясь к полутьме.

Она вдруг вспомнила про этот печальный факт: свой возраст.

Как и многие женщины, привыкшие держаться старше своих лет, Зелиха очень злилась оттого, что на самом деле

была куда моложе, чем хотела.

– Мне девятнадцать, – призналась она и тотчас покраснела, словно все эти люди вдруг увидели ее голой.

– Нам, конечно, необходимо получить согласие вашего мужа. – Секретарша больше не щебетала и незамедлительно задала следующий вопрос, уже догадываясь, какой будет ответ. – Позвольте спросить, вы замужем?

Краем глаза Зелиха заметила, что полная блондинка справа и женщина в платке смущенно заерзали. Под тяжелыми испытующими взглядами всех присутствующих кривившая ее губы усмешка превратилась в блаженную улыбку. Не то чтобы она получала особое удовольствие от неловкости, но затаившееся в глубине души безразличие только что шепнуло, что на мнение других можно плюнуть, в конечном итоге оно ничего не меняет. Она недавно решила изгнать из своего лексикона некоторые слова, так почему же не начать прямо сейчас со слова «стыд»? И все же ей не хватило духа произнести вслух то, что и без того было ясно всем в этой комнате. Не было никакого мужа, некому было давать согласие на аборт. Не было никакого отца. Вместо папы – только пустота. Но Зелихе повезло: с точки зрения формальностей, отсутствие мужа облегчало дело. Судя по всему, ей не требовалось ничье письменное согласие. Бюрократические правила были направлены на спасение младенцев, зачатых в законном браке, а внебрачных детей никто особо не стремился спасать. В Стамбуле ребенок без отца был очередным ублюд-

ком, а ублюдок – это просто очередной расшатавшийся больной зуб, готовый в любой момент выпасть из пасти города.

– Место рождения? – Уныло продолжала секретарша.

– Стамбул!

– Стамбул?

Зелиха передернула плечами, что за вопрос? Где же еще, черт возьми?! Она же часть этого города! Разве у нее на лице не написано? Зелиха считала себя истинной стамбулкой. Словно укоряя секретаршу, не увидевшую столь очевидного, Зелиха развернулась и, не дожидаясь приглашения, плюхнулась в кресло рядом с женщиной в платке. Только тут она заметила мужа несчастной, который сидел неподвижно, словно оцепенев от смущения. Похоже, он-то как раз не осуждал Зелиху, ему было и без того мучительно неловко быть единственным мужчиной в этом женском царстве. Зелихе даже жалко его стало. Она подумала, не предложить ли ему выйти на балкон покурить – в том, что он курит, она не сомневалась. Но это могли неправильно понять. Незамужняя женщина не делает таких предложений женатым мужчинам, а женатый мужчина в присутствии жены мог проявить враждебность по отношению к другой женщине. И почему так сложно подружиться с мужчинами? Почему это всегда так? Почему нельзя просто выйти на балкон, покурить вместе, переброситься парой слов, а потом снова разойтись? Довольно долго Зелиха сидела неподвижно. И не потому, что смертельно устала, и не потому, что ее достало всеобщее внима-

ние, а просто потому, что ей хотелось посидеть у открытого окна, она соскучилась по звукам улицы. Вот раздался хриплый голос разносчика:

– Апельсины! Свежие, ароматные апельсины!

– Отлично, давай кричи дальше, – пробормотала Зелиха.

Она не любила тишину. Ничего, что люди вечно смотрят на нее на улице, на базаре, в приемной у врача, здесь и там, днем и ночью, ничего, что они пялятся на нее, разглядывают с ног до головы, потом снова лупят глаза, словно впервые видят. Она всегда могла как-то отразить их взгляд. А вот перед их молчанием она была беззащитна.

– Эй, апельсинщик, почем килограмм? – закричала женщина из верхнего окна на другой стороне улицы. Поразительно, как молниеносно, без малейшего усилия, горожане придумывали невероятные названия для самых обыденных профессий. Нужно только прибавить суффикс «-щик» к любому товару на рынке – и вот уже можно включать очередное наименование в бесконечный список городских профессий. Так что в зависимости от предлагаемого товара тебя могли назвать апельсинщиком, зеленщиком, крендельщиком или... абортщиком.

К тому времени Зелиха уже не сомневалась. Но хотя и так знала, для верности сделала тест в новой клинике по соседству. В день торжественного открытия там устроили пышный прием для избранной публики, а снаружи все разукрасили венками и букетами, чтобы и прохожие были в курсе.

Зелиха поспешила туда назавтра. Цветы уже поникли, но по-прежнему пестрели флаеры с надписью большими сияющими буквами: «К КАЖДОМУ ТЕСТУ НА САХАР – ТЕСТ НА БЕРЕМЕННОСТЬ БЕСПЛАТНО». Зелиха понятия не имела, как сахар связан с беременностью, но все равно сдала анализ. Оказалось, что сахар в норме. Еще оказалось, что она беременна.

– Заходите, девушка, – позвала стоявшая в дверях секретарша, в который раз за день сражаясь со словом «доктор», опять это несчастное «р». – Доктор ждет.

Зелиха вскочила, в одной руке каблук, в другой – коробка с сервизом. Она почувствовала, как все уставились на нее, следят за каждым шагом, – и не побежала, как обычно, со всех ног. Нет, она двигалась медленно, почти томно. На пороге Зелиха остановилась и, как по команде, обернулась. Будто знала, на кого смотреть. Женщина в платке глядела мрачно, лицо ее исказилось от злости, она беззвучно шевелила губами, проклиная и доктора, и девицу. Почему Аллах послал дитя не ей, а этой вертихвостке?

Доктор, крупный, сильный мужчина, держался уверенно и очень прямо. Не чета секретарше, смотрел без осуждения и не задавал глупых вопросов. Казалось, он радушно приветствует Зелиху. Дал ей подписать какие-то одни бумаги, потом другие, вдруг что-то случится во время или после операции. Рядом с ним Зелиха чувствовала, как теряет само-

обладание и будто обмякает. И это никуда не годилось, потому что, если потеряешь самообладание и обмякнешь, станешь сразу вся как хрупкий стаканчик для чая, а когда ты как хрупкий стаканчик для чая, то и расплакаться недолго. Этого она терпеть не могла. Зелиха с раннего детства глубоко презирала слезливых баб и поклялась, что, когда вырастет, ни за что не станет такой, как эти плаксы, от которых просто житья нет, вечно ноют, на все жалуются и все вокруг слезами заливают. Она запретила себе плакать. И до сегодняшнего дня вроде держала слово. Если слезы вдруг подступили, надо вдохнуть и вспомнить обет никогда не плакать. Так и сегодня, в первую пятницу июля, она попробовала, как обычно, подавить слезы: глубоко вдохнула и гордо выпятила подбородок, смотрите, мол, какая я сильная. Только вот на этот раз вышла осечка, и на выдохе Зелиха всхлипнула.

Доктора это несколько не удивило. Он привык. Женщины всегда плачут.

– Ну-ну, будет, – проговорил он, натягивая перчатки, – все обойдется, не бойтесь. Это же просто как подремать. Поспите немного, может, сон вам приснится, только вы его даже досмотреть не успеете, мы вас уже разбудим и домой отправим. Вы и не запомните ничего.

Когда Зелиха плакала, черты ее заострялись, а щеки западали, что сразу подчеркивало самую выразительную и без того самую заметную часть ее лица. Нос. А нос у нее был и правда выдающийся, орлиный. Все сестры унаследовали та-

кой от отца, но у нее он был горбатее и длиннее.

Доктор похлопал Зелиху по плечу и протянул ей бумажный платок, а потом и всю коробку. Он всегда держал на столе запасную упаковку платков. Фармацевтические компании рассылали их бесплатно. Помимо разной ерунды с логотипами, всяких ручек и блокнотов, они выпускали еще и носовые платки для вечно плачущих пациентов.

– Инжир, вкусный инжир, отличный спелый инжир! – донеслось из окна.

Интересно, а покупатели как его называют? Инжирщик? – подумала Зелиха, лежа на столе в до жути стерильной, белоснежной палате.

Этой совершенной белизны она боялась больше, чем всех хирургических инструментов, даже скальпелей. В белом цвете было что-то от тишины, а в них обоих не было жизни.

Пытаясь ускользнуть от этой немой белизны, Зелиха уставилась на какую-то черную точку на потолке. Она смотрела и смотрела, и постепенно точка стала превращаться в черного паука. Сначала паук просто сидел, но потом пополз. Наркоз расходился по венам, а паук все рос и рос. Вот она уже и пальцем пошевелить не может, вся отяжелела. Борясь с забытьем, она вдруг снова всхлипнула.

– Вы уверены? Может, еще подумаете? – Доктор говорил так нежно, словно она была горсточкой праха, скажешь громкое слово, он и разлетится. – Пока не поздно предупредить.

Но нет, было поздно. Зелиха знала: это надо сделать сегодня, в первую пятницу июля. Сегодня или никогда.

– Нечего думать, не могу я ее оставить! – неожиданно для самой себя выпалила Зелиха.

Доктор кивнул, и, словно повинуюсь его жесту, в комнату хлынули крики муэдзина, призывавшего верующих на пятничную молитву с минарета ближайшей мечети. Тут же откликнулись с другой, и вот уже мечеть за мечетью вступают в хор. Зелиху передернуло, как от боли. Как она это ненавидела! Раньше на молитву призывал живой голос, а теперь превратился в бесчеловечный электрический рев, разносившийся над городом из динамиков и микрофонов. Все громче и громче. Зелиху совсем оглушило. Неужели на всех мечетях сразу взбесились репродукторы? Или у нее что-то с ушами?

– Сейчас пройдет, все хорошо.

Это был доктор. Зелиха поглядела на него озадаченно. Что, так заметно, какого она мнения об этих электромолитвах? Ну и плевать! Из всех женщин семейства Казанчи она одна не скрывала своего безбожия.

В детстве ей нравилось воображать, будто Аллах – ее лучший друг, и все бы хорошо, только еще у нее была лучшая подруга, болтливая конопатая девочка, кутившая с восьми лет. Вся в веснушках, вечно тараторила и сигарету из рук не выпускала. Это была дочка уборщицы, толстой усатой курдянки, которая часто забывала побриться. Когда-то она приходила к ним два раза в неделю и всегда брала с собой доч-

ку. Зелиха быстро подружилась с девочкой, они даже пальцы порезали и кровь смешали, чтобы стать кровными сестрами до гроба. После этого еще недели две вынуждены были ходить с повязками, напоминавшими об их сестринстве.

Когда маленькая Зелиха молилась, то всегда думала об окровавленном бинте. Вот бы и Аллах тоже стал ее братом, а лучше – сестрой по крови.

«Ой, прости! – опомнившись, извинялась она. – Прости, прости, прости». У Аллаха ведь всегда надо просить прощения трижды.

Она знала, что это неправильно. Аллаха нельзя представлять себе человеком. Уж если на то пошло, у него и пальцев-то нет, и крови тоже. И конечно, ему, то есть Ему, ни в коем случае нельзя приписывать человеческие свойства. Что непросто, так как любое из его, то есть Его, девяноста девяти имен как раз оказывалось каким-нибудь вполне человеческим свойством. Он мог все видеть, но не имел глаз; все слышал, но не имел ушей. Он мог до всего достать, но не имел рук. Из всего этого восьмилетняя Зелиха заключила, что Аллах на нас похож, а вот мы на него – нет. Или наоборот? В общем, надо его, то есть Его, как-то так себе представлять, чтобы при этом не слишком представить. Скорее всего, Зелихе и дела бы не было до всех этих высоких материй, не заметь она однажды такой же кровавый бинт на указательном пальце старшей сестры Фериде. Похоже на то, что курдяночка с ней тоже посестрилась. Зелиха чувствовала,

ла, что ее предали. И только тут до нее дошло, что с Аллахом не получилось не потому, что у него нет крови, а потому, что у него слишком много кровных сестер, так много, что ему до них в конечном счете и дела нет.

Дружба после этого случая продлилась недолго. Огромный ветхий дом и его упрямая сварливая хозяйка вскоре надоели уборщице, она уволилась и забрала дочь. Зелихе было горько остаться без лучшей подруги, дружба с которой, впрочем, оказалась довольно сомнительной. И непонятно, на кого злиться, то ли на уборщицу за то, что ушла от них, то ли на маму, которая ее до этого довела, то ли на двуличную подругу, то ли на старшую сестру, отбившую у нее сестру по крови, то ли на Аллаха. Она остановилась на Аллахе, ведь на остальных что злись, что не злись, проку нет. А выбрав быть неверной в столь юном возрасте, Зелиха не видела смысла меняться сейчас.

Вот еще один муэдзин присоединился к хору мечетей. Эхо расходилось, как круги по воде. Странное дело, но тут, в палате, Зелиха вдруг стала волноваться о том, что опоздает к ужину. Интересно, что сегодня будет на столе и кто из сестер готовил. У каждой было свое фирменное блюдо, и предпочтения Зелихи зависели от того, кто сегодня стоял у плиты. Ей страшно хотелось фаршированных зеленых перцев, а это было особенно мудреное блюдо, ведь все три сестры готовили его на свой манер. *Фаршированные... зеленые... перцы...* Она дышала все медленнее, а паук начал опускаться. Зелиха

старалась не отрывать взгляда от потолка, но чувствовала, как неуклонно удаляется из палаты и от присутствующих в ней людей. Она вступила в царство Морфея.

Все здесь было слишком ярким, почти глянцевым. Медленно и осторожно она шла по мосту, с трудом пробираясь среди потока машин и пешеходов, мимо рыбаков, застывших в неподвижности, которую нарушали лишь извивавшиеся на удочках червяки. Булыжники под ногами шатались, и, содрогнувшись, она поняла, что под ними ничего нет, только пустота. Вскоре она с ужасом осознала, что наверху было то же, что и внизу, и булыжники дождем сыпались с синего неба. С каждым падавшим с неба булыжником другой булыжник исчезал из мостовой. Над небом и под землей была лишь ПУСТОТА. Булыжники падали с неба, и каждый пробивал дыру внизу, дыра становилась все шире и глубже, и Зелиху стала охватывать паника, вдруг ее тоже без следа заглотит голодная бездна. «Нет!» – кричала она падавшим под ноги камням. «Нет!» – приказывала машинам, но те неслись на нее с бешеной скоростью, переезжали ее и неслись дальше. «Нет!» – умоляла она толкавшихся пешеходов. «Нет, пожалуйста!»

Зелиха очнулась в какой-то незнакомой комнате. Она была одна. Ее мутило. Она не знала и не хотела знать, как она здесь оказалась. Она ничего не чувствовала, ни боли, ни горя. Похоже, решила она, победа осталась за безразличием.

Выходит, что на белом столе в соседней палате абортiroвали не только ее ребенка, но и все ее чувства. Быть может, все не так безнадежно. Быть может, теперь и она сможет пойти на рыбалку и часами стоять неподвижно, не досадуя на то, что осталась за бортом, а жизнь промчалась мимо, словно быстроногий заяц, на которого можно смотреть издали, а вот поймать – никогда.

– Ну, вот вы и вернулись наконец-то! – Секретарша стояла в дверях, подбоченившись. – Господи, мы такого страха натерпелись! Ну вы нас и напугали. Да вы хоть представляете, как вы визжали? Это был такой кошмар!

Зелиха лежала неподвижно и даже не мигала.

– Люди на улице, должно быть, подумали, что мы вас тут убиваем... Странно, как это к нам полиция не нагрянула.

Да потому, что это стамбульская полиция, а не брутальные копы из американских фильмов, подумала Зелиха и наконец позволила себе моргнуть. Она так и не поняла, чем достала секретаршу, но уж точно не стремилась злить ее еще больше, и поэтому сказала в свое оправдание первое, что пришло в голову:

– А может быть, я кричала, потому что мне было больно?

Но это, казалось бы, неопровержимое оправдание было разбито в пух и прах.

– Не могло вам быть больно. Это никак невозможно, ведь доктор... доктор не смог провести операцию. Мы вас пальцем не тронули.

– Что вы хотите сказать? То есть? – Зелиха запнулась не столько в ожидании ответа, сколько пытаясь осознать смысл своего же вопроса. – Вы хотите сказать, что вы не...

– Нет, мы ничего не сделали. – Секретарша вздохнула и схватилась за голову, словно чувствовала приближение мигрени. – Вы кричали как резаная. Доктор к вам и подступиться не мог. Вы ведь не отключились, дорогая, ничего подобного. Сначала вы принялись нести всякий бред, а потом стали визжать и материться. Я пятнадцать лет работаю, но ничего подобного не видела. Наверное, на вас морфий в два раза позже подействовал.

Зелиха подумала, что секретарша немного перебарщивает, но спорить не стала. За два часа, проведенные у гинеколога, она поняла, что пациенты тут разговаривают только тогда, когда их о чем-то спрашивают.

– А когда вы наконец отключились, нам все равно не верилось, что вы снова не завизжите, поэтому доктор предложил подождать, пока вы не придете в себя. «Если будет настаивать на аборте – потом сделаем», – так он сказал. Поэтому мы вас перенесли сюда и положили спать. А уж поспали вы на славу...

– То есть вы не сделали... – Сейчас Зелиха не могла произнести это слово, еще недавно столь смело сказанное при посторонних. Она положила руку на живот и посмотрела на секретаршу, словно моля об утешении, на которое та была способна меньше чем кто-либо.

– То есть она все еще там?

– Ну, вы не знаете, он это или она, – заметила между прочим секретарша.

Но Зелиха знала, просто знала.

Несмотря на сгущавшиеся сумерки, казалось, только рассветало. Дождь перестал, а жить стало хорошо и почти легко. К пробкам на улицах прибавилась еще и слякоть, но после дождя пахло такой свежестью, что во всем городе повеяло чем-то волшебным. Там и сям дети топали по лужам, с наслаждением предаваясь этому маленькому греху. Если и было время грешить, то именно сейчас, в эту краткую минуту. В такие мгновения Аллах кажется не только всевидящим, но и заботливым. В такие мгновения Он словно становится ближе.

Зелихе подумалось, что еще немного – и Стамбул превратится в счастливый город, романтический и живописный вроде Парижа. В Париже она, впрочем, никогда не бывала. Мимо пролетела чайка и прокричала какое-то тайное, но почти понятное ей послание. Секунд на тридцать Зелиха решила, что стоит на пороге совсем новой жизни.

– Почему же Ты не дал этого сделать? – прошептала она к собственному удивлению, но тотчас устыдилась сорвавшихся благочестивых слов и принялась в ужасе просить прощения у себя, безбожницы.

Прости, прости, прости.

На небе появилась радуга, а Зелиха ковыляла весь даль-

ний путь до дома, прижимая к себе чайный сервиз и сломанный каблук, а на душе у нее было так хорошо, как давно не было.

Вот так в первую пятницу июля около восьми вечера Зелиха пришла домой, в несколько обветшалый особняк с высокими потолками, построенный еще в османские времена и очень странно смотревшийся между теснившими его высокими многоквартирными домами. Одолев изогнутую полукругом лестницу, она обнаружила, что все дамы семейства Казанчи уже собрались наверху за большим обеденным столом и приступили к трапезе, явно не сочтя нужным дождаться младшую.

– Здравствуй, незнакомка, проходи, займи место за нашим столом! – воскликнула Бану, склоняясь над хрустящим запеченным куриным крылышком. – Пророк Мухаммед велит делиться со странниками.

Губы у нее лоснились, щеки тоже. Лоснились даже ее блестящие оленьи глаза, как будто она специально размазала куриный жир по всему лицу. Она была на двенадцать лет старше и на тридцать фунтов тяжелее Зелихи, так что могла показаться, скорее, ее матерью, а не сестрой. Бану утверждала, что у нее очень странный обмен веществ, поэтому все съеденное тотчас откладывается в теле. В это вполне можно было бы поверить, если бы не утверждение, что, питаясь она одной лишь чистой водой, ее организм и это превращал бы

в жир, так что она при всем желании никак не может повлиять на свой вес и нет никакого смысла предлагать ей сесть на диету.

– Угадай, что у нас сегодня? – весело продолжила Бану, погрозила Зелихе пальцем и ухватила второе крылышко. – Фаршированные зеленые перцы.

– Похоже, мне повезло! – ответила Зелиха.

Меню сегодня было вполне привычное. Гигантская курица, йогуртовый суп, а еще запеченные баклажаны карны-ярык (фаршированные мясом баклажаны), пилаки, вчерашние котлетки кадынбуду, соленые огурцы, свежеиспеченный бореk, кувшин айрана и, само собой, фаршированные зеленые перцы. Зелиха тотчас придвинула стул. У нее был тяжелый день, а тут еще этот семейный ужин. Но что поделать, слишком уж хотелось есть.

– И где ты шлялась, красавица? – проворчала мать, в прошлой жизни бывшая не иначе как Иваном Грозным.

Она приосанилась, выпятила подбородок, свирепо нахмурила брови и наконец повернулась к Зелихе, как будто, сделав такое страшное лицо, лучше могла читать мысли дочери. Так они и стояли, Гульсум и Зелиха, мать и дочь. Стояли, сурово уставившись друг на друга, и каждая была готова к ссоре, но не хотела начинать первой. Зелиха отвела глаза, прекрасно понимая, что выказывать характер при матери не стоит.

Заставив себя улыбнуться, она уклончиво ответила:

– На базаре были отличные скидки. Я купила набор чайных стаканчиков. Они потрясающие. Все в золотых звездочках, и ложечки такие же.

– Ах, они такие хрупкие, – прошептала вторая по старшинству сестра Севрие, учительница отечественной истории в старших классах одной частной школы. Она всегда придерживалась здорового сбалансированного питания, а волосы укладывала в идеальный низкий узел, из которого не выбивалась ни единая прядь.

– Так ты на базаре была? А почему корицы не купила? Я же с утра тебе сказала, у нас сегодня на десерт рисовый пудинг, а корица вся вышла, нечем посыпать, – нахмурилась было Бану, но только на долю секунды и беззаботно откусила еще кусочек хлеба.

По поводу хлеба у Бану тоже была своя теория, которую она часто повторяла и неизменно претворяла в жизнь. Согласно этой теории, без должного количества хлеба за каждой трапезой ее желудок не поймет, что насытился, и будет требовать еще еды. Чтобы он осознал степень своего насыщения, необходимо все заедать изрядными порциями хлеба. Поэтому Бану все ела с хлебом: картошку, рис, макароны, борек, а если с желудком нужно было объясниться с недвусмысленной определенностью, она ела хлеб с хлебом. Ужинать без хлеба – великий грех. Может, Аллах его и прощал, но Бану – никогда.

Зелиха молча поджала губы, только сейчас вспомнив, ка-

кая судьба постигла палочки корицы. Вместо ответа она положила себе на тарелку фаршированный перец. Она всегда без труда могла угадать, кто приготовил перцы: Бану, Севрие или Фериде.

Бану обычно добавляла в перцы то, что больше никто никогда не клал, например арахис, кешью или миндаль. Фериде так набивала перцы рисом, что их было не откусить, сразу лопались. К тому же она обожала пряности, и долма у нее была до отказа наполнена не только рисом, но и всякими специями и травами. В зависимости от того, что именно Фериде намешала, блюдо получалось либо исключительно вкусным, либо просто несъедобным. А вот если стряпала Севрие, перцы всегда были сладковатые. Она в любое блюдо добавляла сахарную пудру, будто хотела подсластить свою постную жизнь. Случилось так, что сегодня долму делала как раз она.

– Я была у врача, – проговорила Зелиха, осторожно снимая с долмы бледно-зеленую шкурку.

– У врача? – поморщилась Фериде и, как указку, высоко подняла вилку, словно перед ней были не домашние, а школьники на уроке географии, которым надо было продемонстрировать на карте какой-то далекий горный хребет.

Фериде было сложно смотреть людям в глаза. Ей было проще разговаривать с неодушевленными предметами, поэтому она обратилась к тарелке Зелихи:

– Ты что, не читала утреннюю газету? Делали операцию девятилетнему ребенку, вырезали аппендицит и забы-

ли внутри ножницы. Представляешь, сколько в стране таких врачей? Да их под суд надо отдать за преступную халатность.

Из всех дам семейства Казанчи Фериде лучше других была знакома со всяческими медицинскими процедурами. За последние шесть лет у нее нашли восемь заболеваний, одно экзотичнее другого. То ли врачи никак не могли решить, что с ней, то ли сама Фериде исправно обзаводилась новыми недугами, этого никто не знал. Со временем это стало не важно.

Душевное здоровье было для нее обетованной землей, земным раем, из которого ее изгнали еще подростком и куда она надеялась когда-нибудь вернуться. А по дороге периодически делала привал на очередной транзитной остановке со странным названием, где снова подвергалась изматывающим лечебным процедурам.

Фериде уже в детстве была со странностями. В школе с ней намучились. Она не интересовалась ничем, кроме физической географии, а на уроках географии – несколькими определенными вопросами, которые все имели отношение к изучению слоев атмосферы. Ее любимыми темами были распад озона в стратосфере и связь между поверхностными океанскими течениями и моделями атмосферной циркуляции. Она собирала всю доступную информацию об атмосферной циркуляции в северных широтах, о характеристиках мезосферы, о долинных ветрах и морских бризах, о солнечных циклах и тропических широтах, о размере и форме

Земли. Все, выученное в школе, она залпом выдавала дома, так что любой разговор непременно сдабривался изрядной долей сведений об атмосферных явлениях. Когда Фериде демонстрировала свои обширные познания в физической географии, то всегда говорила с беспримерным энтузиазмом, возносилась в заоблачную высь и прыгала с одного слоя атмосферы на другой.

А потом, где-то через год после окончания школы, Фериде ушла в себя, и у нее стали появляться странности. Она продолжала интересоваться физической географией, но интерес этот постепенно вызвал к жизни новое, всецело захватившее ее увлечение: Фериде стали занимать несчастные случаи и природные бедствия. Каждый день она изучала третью полосу бульварных газет. Автомобильные аварии, серийные убийства, землетрясения, пожары и наводнения, неизлечимые болезни, инфекции и неизвестные науке вирусы... – все это Фериде внимательнейшим образом штудировала. Ее избирательная память впитывала в себя все несчастья, происходившие в городе, стране или в мире, а потом ни с того ни с сего Фериде сообщала о них окружающим. В считанные минуты она могла омрачить любой разговор, ведь с самого рождения имела обыкновение любое происшествие трактовать как несчастье, а если несчастья ну никак не наблюдались, могла и присочинить какое-нибудь горестное событие.

Впрочем, возведенные ею ужасные новости никогда никого не расстраивали, ведь родные давно перестали ей ве-

ритель. Они на свой лад приспособились к ее помешательству: безумное просто считали недостаточно правдоподобным.

Сначала у Фериде нашли «язву на почве стресса», но к этому диагнозу никто серьезно не отнесся, ведь модное слово «стресс» уже всем набило оскомину. Став частью турецкой культуры, это слово особенно полюбилось стамбульцам. Они с энтузиазмом приняли его в свой лексикон, и в городе появилось множество пациентов, лечившихся от стресса и его последствий. От одного вызванного стрессом заболевания Фериде сразу переходила к другому и поражалась тому, какой тут простор: казалось, практически все было так или иначе связано со стрессом. После этого ее заносило то в обсессивно-компульсивное расстройство, то в диссоциативную амнезию, то в психотическую депрессию. Однажды она пыталась отравиться, и в медицинском заключении упоминался горько-сладкий паслен. Этот диагноз был особенно мил ее сердцу.

На каждом этапе своего путешествия в страну безумия Фериде меняла прическу и перекрашивала волосы. Тогда врачи, чтобы хоть как-то уследить за переменами в ее душевном состоянии, завели специальную таблицу, в которую вносили данные о ее волосах. Короткие, до плеч, очень длинные, сбритые налысо, поставленные торчком, выпрямленные, уложенные волнами, заплетенные в косички, покрытые тоннами лака, геля, воска или пенки для укладки, украшенные заколками, бижутерией или лентами, обстриженные, как

у панка, заколотые в высокий пучок, как у балерины, выкрашенные во все возможные цвета целиком или отдельными прядями... Прически сменяли одна другую, только болезнь оставалась.

После довольно долгого периода «большого депрессивного расстройства» Фериде переместилась в область «пограничного расстройства личности», диагноз, который разные члены семьи толковали весьма произвольно. Мать слово «граница» сразу наводило на мысли о проблемах с полицией, таможенниками, чем-то нелегальным, поэтому Фериде стала представляться ей какой-то беглой преступницей. Она и так не особо доверяла помешанной дочери, а тут уж преисполнилась самых страшных подозрений. Сестры связывали слово «граница» с гранью, а грань заставляла их думать о смертельно опасном обрыве. Довольно долго они дрожали над ней, словно она была лунатиком и могла вот-вот свалиться с высокой стены. А вот Петит-Ма при слове «граница» думала о бордюре решетчатой вышивки и приглядывалась к внучке с глубоким интересом и симпатией.

Недавно Фериде сменила диагноз. Новый даже выговорить было невозможно, а уж толковать его и подавно никто не осмеливался: гебефреническая шизофрения. Этот термин ее удовлетворил, и она оставалась ему верна, наконец получив столь желанное ясное определение своего состояния. Независимо от диагноза, жила она по законам царства фантазии, пределы которого никогда не покидала.

Но сегодня, в первую пятницу июля, Зелиха проигнорировала известную всем нелюбовь сестры к докторам. Приступив к еде, она поняла, как проголодалась за весь день. Почти на автомате съела кусок борека, налила айрана, подцепила вилкой еще одну долму и сообщила распивавшее ее известие:

– Я сегодня была у гинеколога...

– У гинеколога? – тотчас переспросила Фериде, но ничего конкретного говорить не стала.

Гинекологи были единственным видом врачей, с которыми она почти не имела дела.

– Я ходила к гинекологу, чтобы сделать аборт, – договорила Зелиха, ни на кого не глядя.

Бану выронила куриное крылышко и зачем-то уставилась на свои ноги. Севрие плотно сжала губы. Фериде взвизгнула, а потом судорожно захохотала. Мать принялась напряженно тереть лоб, чувствуя приближение страшной мигрени, а Петит-Ма... Ну, Петит-Ма продолжала есть йогуртовый суп. Может быть, она совсем оглохла в последнее время. Может быть, начинала впадать в маразм. А может быть, полагала, что не о чем особо волноваться. Петит-Ма так просто не поймешь.

– Как ты могла убить ребенка? – с ужасом спросила Севрие.

– Это не ребенок! – отмахнулась Зелиха. – На данном этапе это, скорее, можно назвать капелькой. Так будет научнее.

– Научно? Это не научно, это бесчувственно, – расплакалась Севрие. – Ты бессердечная, вот ты кто!

– Ну, тогда у меня хорошие новости. Я это... ее... в общем, называй как хочешь, не убила. – Зелиха спокойно повернулась к сестре. – Но действительно хотела. Я пыталась избавиться от этой капельки, только почему-то не вышло.

– То есть? – спросила Бану.

Зелиха набралась храбрости и постаралась сделать хорошую мину при плохой игре.

– Аллах послал мне знамение свыше, – сказала она безучастным тоном, хотя и понимала, что в ее семье такого говорить не стоит. – Вот лежу я под наркозом, с одной стороны доктор, с другой – сестра. Через минуту должна начаться операция, и все, этого ребенка не будет. Никогда! Но буквально за секунду до того, как отключиться, я слышу призыв на молитву с соседнего минарета... Такие нежные звуки, они, как бархат, окутывают мое тело. А когда все затихает, я слышу, словно кто-то шепчет мне на ухо: «Не убивай это дитя!»

Севрие задрожала, Фериде нервно кашлянула в салфетку, Бану тяжело сглотнула, а Гульсум нахмурилась. Только Петит-Ма пребывала где-то далеко, в лучшей реальности, и, доев суп, покорно ожидала следующего блюда.

– А потом, – продолжала Зелиха, – таинственный голос возвещает: «О Зелиха, о паршивая овца в праведном семействе Казанчи! Не убивай дитя, дай ему жить! Тебе еще неве-

дома его судьба! Этот ребенок будет великим вождем. Он будет монархом!»

– Не может он стать монархом, – вмешалась Севрие, которая никак не могла не блеснуть своим учительским авторитетом. – У нас больше нет монархов, мы современное государство.

– «Услышь, грешница, это дитя будет управлять людьми, – вещала Зелиха, пропустив мимо ушей преподанный урок обществознания. – Имя его услышат не только в этой стране, не только на всем Ближнем Востоке и Балканах, но и во всем мире. Это твое дитя поведет вперед массы и принесет человечеству мир и справедливость». – Она перевела дыхание и закончила: – В любом случае у меня для вас хорошие новости! Ребенок остался во мне! Недалек тот день, когда мы поставим на стол еще одну тарелку.

– Приблуда! – воскликнула Гульсум. – Хочешь принести в подоле внебрачного ребенка, нагульного!

Слово прозвучало как всплеск от брошенного в тихие воды камня.

– Стыд какой! Ты всегда нашу семью позорила, – не унилась мать, и ее лицо исказилось от гнева. – Вы только посмотрите на это кольцо в носу... А вся эта косметика, и эти юбки ужасные, еле зад прикрывают, и каблуки, эти каблуки! Вот что бывает, когда одеваешься... как шлюха! Да тебе надо днем и ночью благодарить Аллаха за то, что в этой семье нет мужчин, а то бы они тебя убили.

Это было не совсем так. То есть про убийство, может быть, и правда, а вот насчет того, что в семье мужчин не было, — не совсем. Мужчины были. Где-то. Но женщин в семействе Казанчи действительно было намного больше, чем мужчин. Казалось, на весь род кто-то наложил проклятие: из поколения в поколение мужчин настигала внезапная и безвременная смерть.

Вот, например, Реза Селим Казанчи, муж Петит-Ма, неожиданно упал замертво в шестьдесят лет, задохнулся. А в следующем поколении Левент Казанчи умер от инфаркта, не дожив до пятидесяти первого дня рождения, пошел по стопам отца и деда. Казалось, в каждом следующем поколении мужчины жили все меньше и меньше.

Был еще двоюродный дедушка, который сбежал с русской проституткой, а она в итоге его ограбила и оставила замерзать где-то в Петербурге. Еще один родственник пытался в пьяном виде перейти автостраду и попал под машину. Многочисленные племянники погибали в двадцать с небольшим: кто-то утонул во время пьяного купания при луне, другого случайно подстрелил бурно праздновавший победу своей команды футбольный фанат, а еще один провалился в четырехметровый котлован, который городские власти прорыли для ремонта канализации. Да и троюродный брат Зия погиб, застрелившись без всякой видимой причины.

И так из поколения в поколение, словно следуя неписаному закону, все мужчины в роду Казанчи умирали молодыми.

Представители нынешнего поколения доживали самое большее до сорока одного года. Ни за что не желая разделить их участь, один из двоюродных дедушек проявлял крайнюю осторожность, старался вести исключительно здоровый образ жизни, никогда не переедал, не имел дела с проститутками и хулиганами, не пил и не принимал наркотики – и окончил свои дни раздавленный глыбой бетона, свалившейся ему на голову, когда он шел мимо стройки.

Был у них и дальний родственник Селал. Он внушил Севрие великую любовь, стал ее мужем и вскоре оставил вдовой, погибнув в драке. До сих пор неизвестно, почему Селала обвинили во взяточничестве и посадили на два года. На протяжении всего этого срока Селал присутствовал в форме приходявших из тюрьмы писем, написанных столь расплывчато и сухо, что известие о его гибели для всех, кроме жены, прозвучало как сообщение об утрате третьей руки, которой, собственно, никогда не было. Он ушел из жизни во время драки, но отнюдь не сраженный смертельным ударом. Его убило током высоковольтного кабеля, на который он наступил, пытаясь получше разглядеть дерущихся. Потеряв обожаемого мужа, Севрие продала дом и вернулась под родительский кров. В особняк Казанчи въехала занудная учительница истории, воплощение спартанской дисциплины и самообладания. В школе она ополчилась на списывание и плагиат, а дома с такой же неумолимостью боролась с любыми проявлениями горячности, беспорядка и спонтанности.

Еще был Сабахаттин, мягкосердечный, добродушный и скромный муж Бану. Хотя официально они все еще оставались мужем и женой, а сам Сабахаттин с виду был крепкий здоровяк и не приходился им кровным родственником, Бану толком и не жила с ним, разве что сразу после медового месяца, и большую часть времени проводила в родительском особняке. Особой телесной близости у них не было, что выглядело заметным даже со стороны. И когда Бану вдруг объявила, что в положении и ожидает близнецов мужского пола, все только шутили насчет того, как она вообще умудрилась забеременеть. Увы, злая судьба, уготованная всем мужчинам рода Казанчи, не обошла и близнецов. Детские болезни унесли малышей до того, как они научились толком ходить и говорить. А Бану окончательно переехала к родственникам и впредь лишь изредка навещала мужа. Время от времени она наведывалась узнать, как у него дела, но, скорее, не как любящая жена, а как участливая знакомая.

Еще, конечно, был Мустафа, в этом поколении – единственный сын, драгоценная жемчужина, дарованная Аллахом наряду с четырьмя дочерьми. Левент Казанчи был одержим рождением наследника, так что все четыре сестры росли, словно незваные гости. Сначала родились три девочки подряд. Бану, Севрие и Фериде ощущали себя прологом к чему-то настоящему, результатом промаха в супружеской жизни родителей, твердо настроенных произвести на свет мальчика. Зелиха, пятый ребенок в семье, была зачата в на-

дежде на еще один подарок судьбы. Обретя наконец сына, родители хотели проверить, не повезет ли им еще раз.

С самого рождения над Мустафой тряслись, как над бесценным сокровищем. Был принят целый комплекс мер, чтобы отвести от него злую участь, предначертанную всем мужчинам в роду. Младенцем его заматывали во всяческие обереги и амулеты от сглаза, не выпускали его из поля зрения, как только он стал ползать, и до восьми лет не стригли, словно девочку, чтобы обмануть ангела смерти Азраила. К ребенку обращались только «девочка», «эй, девочка, иди сюда!». Мустафа хорошо учился, но совершенно не умел общаться, и это отравляло ему жизнь в старших классах. Привыкнув быть королем дома, мальчик, казалось, не желал быть одним из многих в классе. Он был настолько нелюдим, что, когда Гульсум захотела отпраздновать с его друзьями окончание школы, оказалось, что ему некого приглашать. Мустафа был крайне высокомерен и неприветлив с посторонними. Дома его единодушно лелеяли, словно царственную особу, а каждый день рождения неумолимо приближал его к роковому концу, постигавшему всех мужчин рода Казанчи. Учитывая все это, было решено, что лучше отправить его за границу. Не прошло и месяца, как необходимую сумму собрали, продав драгоценности Петит-Ма, и восемнадцатилетний отпрыск семейства Казанчи покинул Стамбул и отправился в Аризону. Там он стал изучать инженерные основы сельского хозяйства, агротехнику, а также биотехнологию, и хотелось

бы надеяться, что доживет до старости...

В общем, когда Гульсум в первую пятницу июля выговаривала Зелихе и призывала благодарить небо за то, что в семье у них нет мужчин, в словах ее была некоторая доля правды. Зелиха на это ничего не сказала. Вместо ответа она пошла на кухню, где думала найти и покормить единственного самца в доме, серебристого полосатого кота. Кот этот был вечно голоден, странным образом обожал воду и, кроме того, обнаруживал многочисленные симптомы социального стресса, так что мог считаться в лучшем случае обладателем нелюбимого нрава, а в худшем – законченным невротиком. Звали его Паша Третий.

В особняке Казанчи поколения кошек сменяли друг друга, так же как поколения людские. Всех этих кошек любили, а умирали они, в отличие от людей, исключительно от старости. Каждая из них обладала своим особым характером. С одной стороны, это было благородное наследие длинношерстной белоснежной курносой персидской кошки, которую Петит-Ма привезла с собой в конце 1920-х годов, когда новобрачной вступила в дом Казанчи. Видать, кошка – все ее приданое, глумились соседки. С другой стороны, был уличный ген, от некоего неизвестного, но, очевидно, рыжего бродячего кота, с которым белая персидская кошечка сошлась во время одного из своих походов. Из поколения в поколение эти два генотипа поочередно проявлялись у рожденных под крышей особняка кошек.

Со временем Казанчи уже не давали себе труда подыскивать кошкам какие-то другие имена, а просто исходили из кошачьей генеалогии. Если они видели, что котенок пошел в знатных предков, белый, пушистый и с приплюснутым носом, то его называли соответственно Паша Первый, Паша Второй, Паша Третий. А если в котенке проявлялась дворовая порода, ему давали имя Султан. Этот, еще более высокий титул был знаком особого уважения к уличным котам. Считалось, что они независимые и свободомыслящие существа, которые никогда ни перед кем не заискивают. Пока что эти имена неизменно отражали характер проживавших в доме кошек. Кошки-аристократы были надменные, требовательные и вялые, а стоило их погладить, как они тотчас принимались стирать с себя малейший след человеческих рук и поэтому постоянно себя вылизывали. Кошки-плебеи были куда более бодрые и любознательные и охотно предавались всяким необычным излишествам, например лакомились шоколадом.

Паша Третий был ярким воплощением всех династических черт. Он важно вышагивал, словно ступал по битому стеклу. У него было два излюбленных занятия, которым он предавался при каждом удобном случае: грызть электрические провода и глядеть на птичек и бабочек. Ловить их ему было лень. Первое занятие могло ему надоесть, но второе – никогда. Он так или иначе привел в негодность все провода в доме – они были не раз изжеваны, изгрызены и разодраны

в ключья. Пашу Третьего постоянно било током, но это не помешало ему дожить до весьма преклонного возраста.

– Давай, Паша, давай, хороший мальчик, – подбодрила кота Зелиха, протянув ему любимое лакомство, кусочки брынзы.

Она повязала фартук и принялась усердно мыть горю кастрюль, сковородок и тарелок. Перемыв всю посуду и немного успокоившись, она проскользнула обратно к столу, над которым так и висело слово «приблуда», а мать сидела нахмурившись. Они застыли в оцепенении, пока кто-то не вспомнил про десерт. Комната наполнилась сладким нежным ароматом: это Севрие черпала рисовый пудинг из огромного котла и разливала его по маленьким плошечкам. Севрие с привычной ловкостью отмеряла порцию за порцией, а Фериде шла следом и сыпала каждую плошку кокосовой стружкой.

– С корицей было бы намного вкуснее, – вздохнула Бану. – Ну почему ты забыла купить корицу?

Зелиха откинулась на спинку стула, подняла нос... и глубоко вдохнула, словно затянулась невидимой сигаретой. А выдохнув, выпустила из себя всю усталость и почувствовала, что маятник снова качнулся и безразличие отступает. На нее навалился груз всего, что случилось и не случилось за этот адски долгий день, и настроение упало. Она окинула взглядом обеденный стол – все чашки с рисовым пудингом были увенчаны шапкой из кокосовой стружки, и каждая служила

ей укором.

Не поднимая глаз, Зелиха проговорила так мягко и нежно, будто не своим голосом:

– Простите меня... простите.

Глава 2

Нут

Супермаркеты – опасное место. Отчаявшихся и сбитых с толку покупателей в них подстерегает множество ловушек – так, по крайней мере, думала Роуз, направляясь к полке со сменными мешками для утилизации подгузников. На этот раз она была полна решимости не покупать ничего, кроме действительно необходимого. К тому же сейчас было не время слоняться по магазину. Она оставила маленькую дочку в машине на парковке, и на душе было беспокойно. Вот всегда так и бывало: сделаешь что-то и сразу пожалеешь, а сделанного уже не воротишь. И честно говоря, за последние месяцы, точнее, за последние три с половиной месяца такое происходило все чаще и не могло не вызывать тревогу. Три адских месяца, пока распадался ее брак, а она сначала сопротивлялась, потом оплакивала потерю, затем умоляла не уходить и наконец смирилась с произошедшим. Может быть, супружество – не более чем мимолетная блажь. Поддавшись ей, ты начинаешь верить, что это навсегда, а потом можешь даже смеяться над тем, как обманулся, но только если сам ушел первый. То обстоятельство, что, прежде чем погибнуть без возврата, брак еще какое-то время агонизирует, давало обманчивую надежду, пока ты не осознавал, что надеяться

можно не на то, что все образуется, а на то, что оба в итоге отмучаются и разойдутся, каждый своим путем.

Именно это Роуз и решила теперь делать: идти своим путем. И если этот путь был темным туннелем, по которому Бог заставляет ее ползти, то она выберется из него преображенной, и никто не узнает в ней прежнюю слабую женщину.

В знак своей решимости Роуз попыталась усмехнуться, но смешок застрял в горле. Вместо него вырвался вздох, прозвучавший, пожалуй, слишком озабоченно. И все потому, что она оказалась в отсеке, который предпочла бы обойти стороной: «Сладости и шоколад». Пробегая мимо «Изысканного темного шоколада без сахара со вкусом ванильного крема» фирмы «Carb Watchers», она резко затормозила. Схватила плитку, другую, всего пять. Она покупала продукцию фирмы не потому, что следила за количеством углеводов в диете. Просто ей нравилось название, вернее, нравилась сама мысль о том, чтобы бдительно следить хоть за чем-то. Ее столько раз обвиняли в том, что она никудышная хозяйка и плохая мать, поэтому она жаждала доказать обратное любым доступным способом.

Она резко развернула тележку, но снова оказалась перед полкой с фастфудом. Где же, черт возьми, эти подгузники?! Взгляд упал на лежащие штабелями пачки поджаренного кокосового маршмэллоу, и она глазом моргнуть не успела, как в тележке оказались одна, две... шесть упаковок.

Не надо, Роуз, не надо... Ты сегодня уже слопала целую

квартиру мороженого «Черри Гарсия»... Посмотри, как растолстела...

Если это был внутренний голос, то, увы, прозвучал он слишком тихо... Ему не удалось ее остановить, он лишь пробудил дремавшее в подсознании чувство вины. Роуз представила свою фигуру, словно на миг заглянула в воображаемое зеркало, хотя и весьма ловко обошла зеркальную стенку за рядами маленьких кочанов биосалата. С замиранием сердца взирала она на свои раздавшиеся бедра и зад, но заставила себя улыбнуться, глядя на высокие скулы, золотистые волосы, голубые глаза с поволокой и безупречной формы уши. Из всех частей тела только на уши можно по-настоящему положиться. Как ни толстей, они останутся прежними, никогда тебя не предадут. К сожалению, об остальном этого не скажешь.

Телесная оболочка Роуз не отличалась верностью. Ее комплекция была такой капризной, что даже не подпадала ни под какие классификации типов телосложения, которые предлагал читательницам журнал «Хелси ливинг мэгэзин». Если бы она, например, имела фигуру «груша», то бедра у нее были бы намного шире плеч, а если «яблоко» – толстела бы в области живота и груди. Роуз сочетала в себе и то и другое и не знала, к какой группе относится, разве что там забыли описать еще один тип фигуры, «манго». Это когда ты толстеешь везде, и особенно – ниже пояса. Черт возьми, подумалось ей, надо сбросить пару фунтов! Вот теперь, ко-

гда развод позади, закончится черная полоса, и Роуз преобразится. Точно! Она всегда говорила «точно» вместо «да», а когда надо было сказать «нет», говорила «точно, нет».

Воодушевившись мыслью о том, как бывший муж и вся его многочисленная родня поразятся ее скорому перерождению, Роуз оглядела стеллажи. Руки потянулись к конфетам и тянучкам, она забросила все это в тележку и поспешила прочь, словно за ней кто-то гнался. Но, поддавшись тяге к сладкому, Роуз, очевидно, пробудила свою задремавшую было совесть и почувствовала волну раскаяния. Как она могла оставить крошку в машине? Каждый день в новостях сообщают, что опять какого-то малыша похитили прямо перед домом, а матери инкриминируют, что она опрометчиво подвергла ребенка опасности. Вот на прошлой неделе в округе Тусон женщина устроила пожар, и спавшие в доме дети чуть не сгорели. О, если с ней случится что-то подобное, подумала Роуз, свекровь будет в восторге – всемогущая матриарх Шушан тотчас подаст в суд, чтобы получить право опеки над внучкой.

Эта мрачная перспектива заставила Роуз содрогнуться. Да, в последнее время она немного не в себе, то и дело забывает разные мелочи, но никто, никто, пребывающий в здравом уме, не вправе обвинять ее в том, что она плохая мать. И она им это докажет: и бывшему мужу, и всему его гигантскому армянскому семейству. Его родственники приехали из страны, где у людей были непроезжие фамилии и недо-

ступные ее пониманию тайны. С первого же дня она ощутила себя изгоем среди них, и к ней прилипло слово «ОТАР» – чужак. Ни на секунду она не переставала его чувствовать.

Какое мучение, когда твои мысли и эмоции все так же привязаны к человеку, с которым ты расстался физически! Когда все улеглось, Роуз осознала, что после продлившегося год и восемь месяцев брака у нее не осталось ничего, только ребенок на руках и глубокая обида в душе.

– Да, все, что у меня есть, – прошептала Роуз.

Обычные издержки развода: застарелая непреходящая горечь, от которой еще и разговариваешь сама с собой. Сколько ни дискутируй с воображаемыми собеседниками, всегда есть что сказать. На протяжении последних нескольких недель Роуз снова и снова препиралась со всеми без исключения членами семейства Чахмахчян, решительно отстаивала свои позиции и каждый раз выходила победительницей. Ее до сих пор грызло, что она столько всего не смогла высказать им во время развода, а сейчас ей удавалось изложить это так свободно и четко.

Наконец вот и они – супервпитывающие подгузники без латекса. Роуз положила их в тележку и заметила, как ей улыбается какой-то господин с эспаньолкой и сединой в волосах. По правде говоря, Роуз нравилось, когда ее видели в амплуа матери. Под взорами восхищенной публики она невольно расплылась в улыбке и со счастливым видом потянулась за огромной коробкой мягко ароматизированных влажных

салфеток с алоэ вера и витамином Е. Слава богу, были люди, способные оценить, какая она мать! Ей хотелось еще больше покрасоваться, и она пару раз прошлась туда-сюда вдоль полок с товарами для младенцев. Тут было столько разных вещей! Она вроде и не собиралась это все покупать, но, с другой стороны, почему бы и нет? Три бутылочки антибактериального лосьона от опрелостей, уточка для купания, крякавшая, если вода в ванночке была слишком горячей, набор из шести пластмассовых предохранителей для дверей, чтобы не прищемить пальчики, автомобильный контейнер для мусора в виде Обезьянки Макса и охлаждающий прорезыватель в форме бабочки (залить внутрь воду и поместить в морозилку).

Все это она сложила в тележку. У кого бы язык повернулся сказать, что она безответственная мать? Обвинить ее в том, что она мало печется о нуждах малышки? Разве она не ушла из колледжа, после того как родила? Разве не билась из последних сил, чтобы только сохранить брак? Время от времени Роуз воображала, как ее лучшая версия продолжает учиться в колледже, сохраняет невинность и стройность. Она недавно устроилась работать в университетской столовой, что могло как-то приблизить ее к первой составляющей идеала, хотя с двумя другими дело обстояло сложнее.

Роуз прошла в соседний отдел, и ее аж перекосило. Этнические деликатесы. Она украдкой взглянула на банки с баклажанным пюре и жестянки с солеными виноградными

листьями. Никаких больше патлыджанов! Никакой больше сармы! Хватит с нее всей этой непонятной этнической еды! От одного вида мерзкой мясной кавурмы ей делалось дурно. Все, впредь она будет готовить что душе угодно. Да, она намерена кормить дочку настоящей едой, как в Кентукки. Например... Роуз на секунду задумалась: идеальный обед – это... гамбургеры! Она просияла от одной мысли о гамбургерах. Точно! Гамбургеры! Что еще? Яичница, и блинчики, политые кленовым сиропом, и хот-доги с жареным луком, и барбекю из баранины, да, особенно барбекю... И пить они будут яблочный сидр, а не этот противно булькающий соленый напиток из йогурта с водой, от которого ее каждый раз за столом воротило. Да, с сегодняшнего дня их меню составят блюда южной кухни, острый чили, копченый бекон или... или нут. Да, она бы с радостью готовила. Все, что ей нужно, – это чтобы под вечер с ней за стол садился мужчина. Мужчина, который бы ее любил. И ее стряпню тоже. Определенно, именно это ей и нужно: просто мужчина, без всякого национального багажа за плечами, без непроизносимых имен и фамилий, без многочисленной родни; новый мужчина, который отдавал бы дань нуту.

Было время, когда они с Барсамом любили друг друга. Время, когда Барсам едва ли замечал, что она там ставит на стол, и уж точно был рад всему, потому что смотрел-то он не на еду. Он на нее смотрел, упоенный любовью, от ее глаз не мог оторвать взгляда. Роуз зарделась при воспоминании о

страстных мгновениях, но тотчас остыла, стоило ей вспомнить, что было дальше. Увы, его жуткая семейка не заставила себя ждать и впредь уже не сходила со сцены. С тех самых пор их любовь стала потихоньку иссякать. Если бы вся эта банда Чахмахчян не совала нос в их семейную жизнь, они бы с мужем сейчас были вместе.

«Почему вы постоянно во все вступали?» – спрашивала она у воображаемой Шушан, которая восседала в кресле и считала петли на вязании – еще одном одеяльце в подарок внучке. Свекровь не отвечала. Роуз злилась и продолжала допытываться.

Это, очевидно, тоже издержки развода, побочный эффект застарелой горечи. Ты не только начинаешь разговаривать с собой, но и перестаешь разговаривать с другими, становишься упертой, как осел, гнешь свою линию до последнего, натягиваешь все пружины до предела.

«Почему вы к нам вечно лезли? Почему вы от нас просто не отстали?» – поочередно вопрошала Роуз трех сестер мужа: тетюшку Сурпун, тетюшку Зарухи и тетюшку Варсениг, бросая свирепые взоры на стоявшие перед ней банки с бабаганушем.

Роуз резко развернулась – прочь из отдела этнической кухни! Она совсем разозлилась и расстроилась и от этого почему-то устремилась к стеллажам с консервами и сушеными бобами, да так решительно, что чуть не врезалась в стоявшего там молодого человека. Он изучал полку с разными сор-

тами турецкого гороха.

«Да его здесь секунду назад еще не было, – удивилась Роуз. – Он что, из воздуха соткался? Или с неба свалился?»

Парень был светлокожий, стройный, ладный, с карими глазами, а немного заостренный нос придавал ему прилежный и серьезный вид. Соболиного цвета волосы коротко подстрижены. Роуз показалось, что она его раньше видела, а вот где и когда – вспомнить не могла.

– Отличная вещь, правда? – обратилась она к нему. – Увы, мало кто знает в этом толк.

Глубоко погруженный в созерцание полок, молодой человек отпрянул и обернулся посмотреть, кто его потревожил. Рядом с ним, словно из-под земли, выросла какая-то розовощекая пухленькая особа с банкой нута в каждой руке. Он покраснел и, застигнутый врасплох, на время утратил приличествующий мужчине строгий вид.

– Простите? – буркнул он и дернул голову вправо.

Это был нервный тик, который Роуз приняла за смущение. Она улыбнулась в знак того, что, конечно, прощает, и уставилась на юношу не мигая, отчего тот еще больше занервничал. Сейчас Роуз глядела на него таким нежным зайчиком. В ее репертуаре были еще три способа, также заимствованные из мира живой природы, их ей хватало на все случаи общения с противоположным полом. Если надо было показать, что ты целиком и полностью посвящаешь себя человеку, в дело шел преданный собачий взгляд; соблазняя,

она принимала вид шаловливой кошечки, а на критику неизменно ощетикивалась койотом.

– О, я вас знаю! – вдруг просияла Роуз и радостно улыбнулась от уха до уха. – Я все голову ломала, пыталась вспомнить, где же я вас видела, а теперь поняла! Вы из университета... Держу пари, вы любите кесадилью с курицей.

Юноша окинул взглядом проход, словно соображал, в какую сторону спастись бегством.

– Я работаю на полставки в «Кактус-гриле», – пояснила Роуз, очень стараясь, чтобы до него наконец дошло. – Это большой такой ресторан, на втором этаже студенческого клуба. Я обычно за стойкой с горячим стою, ну, знаете, омлеты всякие, кесадильи. Это, конечно, ерунда, подработка, платят мало, но что делать. Это только так, временно. А вообще-то, я очень хочу стать учительницей младших классов.

Теперь юноша внимательно разглядывал лицо Роуз, словно хотел запомнить на будущее все подробности.

– Короче, там я, должно быть, вас и видела. – Роуз прищурилась и облизнула нижнюю губу, переключаясь на кошачий режим. – Я бросила занятия в прошлом году, когда родила, но сейчас стараюсь восстановиться.

– Да? Правда? – пробормотал юноша, но сразу осекся.

Если бы Роуз доводилось раньше хотя бы немножко общаться с иностранцами, она бы сразу поняла, что это рефлекс знакомства, когда ты не решаешься продолжать разговор на иностранном языке, боясь, что в нужный момент не

подыщешь нужных слов или не сможешь их правильно произнести. Однако Роуз с ранней юности привыкла трактовать происходящее так, будто все говорило или в ее пользу, или против нее. Соответственно, она решила, что сама виновата в том, что юноша молчит, поскольку не представилась ему должным образом.

Она поспешила исправить ошибку и протянула ему руку:

– Ой, простите, забыла сказать, меня зовут Роуз.

– Мустафа, – назвалса юноша и сглотнул так, что у него заходил кадык.

– Откуда вы родом?

– Стамбул, – отрезал он.

Роуз подняла брови с выражением некоторого ужаса. Если бы Мустафе доводилось иметь дело с провинциалами, он бы сразу понял, что это рефлекс недостатка информации, когда человек боится, что не очень хорошо знает географию или всеобщую историю. Роуз пыталась вспомнить, где же находится этот Стамбул. Это что, столица Египта или, может быть, где-то в Индии? В замешательстве она нахмурилась.

Мустафа же с ранней юности боялся двух вещей: утратить контроль над своим временем и перестать нравиться женщинам. Поэтому он решил, что наскучил девушке, не сумев сказать ничего интересного, и, раз уж такая неудача, поспешил завершить разговор.

– Был рад знакомству, Роуз, – произнес он, растягивая гласные, с мягким, но явно слышимым акцентом. – Мне по-

ра...

Он проворно поставил обратно банки с нутом, посмотрел на часы, схватил корзинку и пошел прочь. Удаляясь, про-
бормотал «пока-пока» и потом еще раз, словно собственное
эхо, «пока-пока». И исчез.

Покинутая таинственным собеседником, Роуз вдруг осознала, как долго проболталась в супермаркете. Она взяла пару банок нута, в том числе оставленных Мустафой, и поспешила к кассе. Проходя мимо полок с журналами и книгами, она заметила кое-что очень нужное: «Большой атлас мира» с подзаголовком: «Флаги. Факты. Карты. Незаменимый помощник для родителей, студентов и путешественников по всему миру». Она взяла книгу, нашла в указателе слово «Стамбул», раскрыла на нужной странице и ткнула пальцем в карту.

На парковке под жарким солнцем Аризоны стоял ярко-синий джип «чероки», 1984 года выпуска, в котором сладко спала ее дочка.

– Армануш, дорогая, мамочка вернулась!

Малышка пошевелилась, но глаза так и не открыла, даже когда Роуз осыпала поцелуями все ее личико. Мягкие каштановые волосы девочки были повязаны золотым бантом размером почти с саму голову. В воздушном зеленом костюмчике, с лиловыми пуговицами и тесемками лососевого цвета, она была словно маленькая елочка, которую наряжали в состоянии умопомрачения.

– Проголодалась? Мама тебя сегодня покормит настоящей американской едой! – воскликнула Роуз, складывая пакеты на заднее сиденье.

Упаковку кокосового маршмэллоу она оставила на дороге. Поправила прическу перед салонным зеркалом, поставила самую любимую на тот момент кассету, прихватила пару зефиринок и завела двигатель.

– Представляешь, парень, с которым я только что познакомилась в супермаркете, оказывается, из Турции, – подмигнула Роуз отражению дочери в зеркале заднего вида.

Все в девочке было практически идеально: носик кнопочкой, пухлые ручки, ножки – все, кроме имени.

Родственники мужа захотели назвать ее в честь прабабушки. Как же Роуз сожалела о том, что не решилась перечить свекрови! Не лучше ли было бы дать ей несколько менее экзотическое имя? Например, Энни, Кэти или Синди. У ребенка должно быть детское имя, а «Армануш» звучало совсем не по-детски. В нем было что-то такое холодное, зрелое. Взрослой женщине оно, вероятно, и подошло бы, но... Неужели придется ждать, пока малышка превратится в сорокалетнюю даму и тогда, может быть, свыкнется со своим именем... Роуз закатила глаза и съела еще одну зефиринку. И тут ее осенило. С сегодняшнего дня она будет называть дочку Эми! В знак крещения малютке был послан воздушный поцелуй.

Они стояли на перекрестке в ожидании зеленого света, и

Роуз барабанила по рулю в такт песне Глории Эстефан.

Мне не нужна современная любовь, вся эта суета.

Что сделано, то сделано, настал мой черед веселиться.

Мустафа положил перед кассиршей скромные приобретения: оливки, замороженную пиццу со шпинатом и брынзой, по банке грибного супа, куриного супа-пюре и супа с лапшой. До переезда в Америку он, конечно, никогда не готовил. И всякий раз, пытаясь что-то соорудить на тесной кухне квартиры, которую снимал на пару с другим студентом, он чувствовал себя свергнутым с престола королем в изгнании. Увы, минули дни, когда его кормили и обслуживали обожавшие его бабушка, мать и четыре сестры. Теперь на него легло тяжелое бремя: надо было самому мыть посуду, убираться, гладить и, самое страшное, ходить в магазин. Возможно, было бы проще, если бы он только перестал все время думать, что выполняет чужую работу. Мустафа совсем не привык к домашним хлопотам, не больше, чем к одиночеству.

Его сосед, студент последнего курса, был родом из Индонезии. Он мало разговаривал, много работал и каждую ночь засыпал под странные записи типа «Шум горных потоков» или «Пение китов». Мустафа надеялся, что с соседом ему в Аризоне будет не так одиноко, а вышло совсем наоборот. По ночам он лежал в кровати один как перст, за сотни миль от родных, и тщетно боролся со звучащими в голове голосами.

Они обличали его и ставили под сомнение, что он вообще из себя что-то представляет.

Мустафа плохо спал. Ночь за ночью он смотрел старые комедии или сидел в Интернете. Это помогало заглушить мысли. Но днем они возвращались. По дороге в университет, на переменах между лекциями или во время перерыва на ланч Мустафа невольно начинал вспоминать Стамбул. Как бы он хотел забыть его, стереть память, перезапустить программу, удалив навсегда все хранившиеся в ней файлы!

Предполагалось, что в Аризоне Мустафа спасется от злого рока, нависшего над мужчинами рода Казанчи. Но сам он ни во что такое не верил. Он бежал от предрассудков, бусин против сглаза, гаданий на кофейной гуще и прочей принятой в его семье ворожбы, скорее следуя безотчетному импульсу, а не по осознанному выбору. Для него все это относилось к темному и запутанному женскому миру. А женщины были тайной, как ни крути. Странное дело, он вырос, окруженный множеством женщин, но всю жизнь их сторонился.

Мустафа был единственным мальчиком в семье, где мужчины умирали слишком рано и внезапно. У него появлялись сексуальные желания, а рядом были сестры, о которых нельзя было и помыслить, для его фантазий это было табу. И все же иногда он предавался грязным мыслям о женщинах. Сначала он влюблялся в девочек, которые не хотели иметь с ним дела. Испугавшись, что его могут отвергнуть, осмеять и оскорбить, Мустафа стал вожделеть женщин на расстоянии.

В этом году он с ненавистью разглядывал фотографии топ-моделей в американских глянцевых журналах, словно упивался мучительным осознанием того, что никогда столь совершенная женщина его не захочет.

Он не мог забыть, как свирепо смотрела на него Зелиха, когда однажды обозвала «драгоценным членом». Его до сих пор обжигало стыдом. Мустафа понимал, что за его нарочитой мужественностью Зелиха видела всю историю детства. Она-то прекрасно знала, как забитая мать баловала его и кормила с ложечки, а тиран-отец порол и унижал.

«Ты просто самовлюбленный, закомплексованный!» – выпалила тогда Зелиха.

Могло ли у них с ней сложиться по-иному? Рядом всегда была толпа сестер и обожавшая его мать, а он почему-то чувствовал себя брошенным и нелюбимым. Зелиха вечно над ним издевалась, а мать постоянно восхищалась. Ему же хотелось быть как все, обычным, хорошим, но со своими слабостями, чтобы ему сопереживали и дали возможность стать лучше.

Все бы изменилось, если бы у него появилась возлюбленная. Мустафа понимал: ему нужно непременно устроиться в Америке, и не потому, что он стремился к лучшему будущему, но потому, что должен был избавиться от прошлого.

– Как дела? – улыбнулась ему молодая женщина за кассой.

К этому он еще не привык. В Америке все спрашивали, как дела, даже совершенно незнакомые люди. Он знал, что

это всего лишь приветствие, а не настоящий вопрос, но не научился отвечать столь же непринужденно.

– Хорошо, спасибо, – сказал он. – А у вас?

Девушка улыбнулась:

– Вы откуда?

«Наступит день, – подумал Мустафа, – и я буду разговаривать так, что никто не задаст мне этот оскорбительный вопрос, потому что они даже на секунду не смогут предположить, что беседуют с иностранцем».

Он взял пакет и вышел из магазина.

Мимо неторопливо прошла семья мексиканских эмигрантов: она везла коляску, он вел за руку малыша. Роуз проводила их завистливым взглядом. После развода каждая встреченная ею пара казалась воплощением счастья и гармонии.

– Знаешь что? Жаль, твоя бабушка не видела, как я флиртовала с этим турком. Представляешь, в какой бы ужас она пришла? Даже не придумать большего кошмара для гордого семейства Чахмахчян. Гордого и надутого, гордого и... – Роуз недоговорила, в голову ей пришла совсем уж озорная мысль.

На светофоре загорелся зеленый свет, выстроившиеся перед ней машины рванули вперед, сзади засигналил грузовик. Но Роуз не двигалась с места, оцепенев во власти сладостной фантазии. Она упивалась картинками, одна за другой возникавшими в ее воображении, и при этом метала по сторонам

яростные взгляды.

Да, это третий побочный эффект застарелой горечи после развода: ты не просто начинаешь разговаривать сама с собой и становишься упертой в отношениях с другими, ты еще и утрачиваешь адекватность. Для охваченной справедливым негодованием женщины весь мир летит вверх тормашками, а самые безумные идеи начинают казаться в высшей степени разумными.

О сладостная месть! К исцелению еще долго идти, надо немало вложить, чтобы его достичь, и еще не известно, когда все окупится. А вот возмездие – штука быстрая. Роуз порывалась сделать что-то, что угодно, лишь бы только достать бывшую свекровь. А если и было на земле что-то, что могло разозлить женщин из рода Чахмахчян еще больше, чем отар, то это, конечно, турок! Да, было бы интересно пококетничать с самым страшным врагом бывшего мужа.

Только где же найти турка посреди аризонской пустыни? Они же вроде не разводят кактусы?

Роуз и рассмеялась. Лицо ее выражало уже не признательность, а горячую благодарность. Какое чудесное совпадение, что судьба только что свела ее с турком! Или это не совпадение?

Роуз ехала вперед и подпевала кассете. Но вдруг резко вырулила налево, развернулась на сто восемьдесят градусов, заскочив на встречную полосу, и на полной скорости помчалась обратно.

Примитивная любовь, я хочу того, что было.

В два счета синий джип «чероки» оказался на парковке супермаркета «Фрайс». Машина описала дугу и подъехала к главному выходу из магазина. Роуз уже почти отчаялась найти молодого человека, когда вдруг заметила, что тот стоит на остановке с тонким полиэтиленовым пакетом и покорно ждет автобус.

Мне не нужно думать, я уже на грани.

Я прощаюсь со всем, что заставляло плакать.

– Мостафа! – крикнула Роуз, высовываясь из полуоткрытого окна. – Вас подбросить?

– О да, спасибо, – кивнул он и робко попытался поправить ее: – Мустафа, а не Мостафа.

В машине Роуз улыбнулась:

– Мустафа, познакомься с моей дочерью Армануш, но я называю ее Эми. Эми – Мустафа, Мустафа – Эми...

Молодой человек ласково улыбался спящему младенцу, а Роуз тем временем тщетно вглядывалась в его лицо, желая понять, догадался ли он. Явно не догадывался. Она решила дать еще одну подсказку, на этот раз более очевидную.

– Полное имя моей дочери – Эми Чахмахчян.

Если эти слова и пробудили в Мустафе какие-то неприятные чувства, то виду он не показал, поэтому Роуз сочла нужным повторить, на случай если с первого раза неясно:

– Ар-ма-нуш Чах-мах-чян.

Карие глаза юноши вспыхнули, но совсем не так, как ожи-

дала Роуз.

– Чах-мак-ч... – это же звучит как-то по-турецки! – радостно воскликнул он.

– Ну, вообще-то, это армянское имя. – Ей вдруг стало не по себе. – Ее отец, ну, то есть мой бывший муж... – Роуз сглотнула, словно хотела избавиться от неприятного вкуса во рту. – Он был... то есть он есть армянин.

– Да? – спросил парень беззаботно.

«Кажется, не понял, – удивилась Роуз и прикусила губу, а потом вдруг расхохоталась, словно выдохнула долго сдерживаемую икоту. – Но он такой симпатичный, прямо красавчик! Да, он будет моей местью, моей сладкой местью».

– Слушай, не знаю, как ты относишься к мексиканскому искусству, но завтра вечером открывается выставка, – сказала Роуз. – Если у тебя нет других планов, давай сходим, а потом можем перекусить.

– Мексиканское искусство... – задумался Мустафа.

– Те, кто уже где-то его видел, говорят, что это здорово, – заверила Роуз. – Ну что, хочешь пойти со мной?

– Мексиканское искусство, – повторил он смелее. – Конечно, почему бы нет?

– Вот и отлично. Очень рада познакомиться с тобой, Мустафа.

Она снова переврала его имя, но на этот раз он не стал ее поправлять.

Глава 3

Сахар

– Это правда? Умоляю, кто-нибудь скажите, что это неправда! – воскликнул дядюшка Дикран Стамбулян, с грохотом распахивая дверь.

Он влетел в гостиную с выпученными от волнения глазами, надеясь, что найдет там утешителя в лице племянника, племянниц, да хоть кого-нибудь. Его густые усы нависали надо ртом и слегка загибались на кончиках, так что казалось, будто он всегда улыбается, даже если в этот момент он был вне себя от гнева.

– Прошу тебя, дядя, сядь и успокойся, – пробормотала, не глядя на него, тетушка Сурпун, младшая из сестер Чахмахчян.

Из всей семьи только она безоговорочно открыто поддерживала Барсама, когда тот решил жениться на Роуз, и теперь чувствовала себя виноватой. А она не привыкла себя корить. Сурпун Чахмахчян, уверенная в себе ученая феминистка, преподавала на факультете гуманитарных наук в Калифорнийском университете в Беркли и была убеждена, что нет проблемы, которую нельзя было бы обсудить в режиме спокойного и разумного диалога. Бывало, что с такими вот воззрениями она чувствовала себя белой вороной среди своих

темпераментных родственников.

Жуя кончики усов, Дикран Стамбулян послушно поплелся к свободному стулу. Вся семья собралась за старинным столом из красного дерева. Стол был уставлен едой, но к ней, кажется, никто не прикасался. На диване мирно спали два младенца, близнецы тетушки Варсениг. Еще здесь был их дальний родственник Кеворк Караоглянян, прилетевший из Миннеаполиса на встречу, организованную Союзом армянской молодежи. На протяжении последних трех месяцев Кеворк исправно посещал все мероприятия Союза: благотворительный концерт, ежегодный пикник, празднование Рождества, вечеринку «Огни ночной пятницы», ежегодный зимний прием, воскресный бранч и гонки на плотах в поддержку экотуризма в Ереване. Дядя Дикран подозревал, что его красавец-племянник постоянно приезжал в Сан-Франциско не только потому, что жаждал попасть на все эти мероприятия. Кажется, он влюбился в девушку из молодежной группы и пока еще не признался ей в своих чувствах.

Дикран с вождением посмотрел на накрытый стол и потянулся за кувшином с айраном, в который на американский манер бросили слишком много льда. В расписных глиняных мисках красовались его любимые блюда: пилаки из белой фасоли, котлеты кадынбуду, карныарык, чуреки. Он все еще кипел от ярости, но при виде бастурмы немного смягчился и уж совсем растаял, заметив, что по соседству с бастурмой стоит бурма, его любимый пирог.

Несмотря на то что жена всегда строжайшим образом следила за диетой дяди Дикрана, на его ставшем притчей во языцех животе ежегодно нарастал новый слой жира, как годовое кольцо на дереве. Он был коренастый и дородный мужчина и ни того ни другого нисколько не стеснялся. Два года назад ему предложили сняться в рекламе макарон. Он играл развеселого повара, который сохранял отличное настроение, даже когда его бросила невеста, – главное, он оставался хозяином у себя на кухне и мог готовить свои спагетти. Не только в рекламе, но и в реальной жизни дядя Дикран был на редкость благодушным, так что знакомые всегда приводили его в пример в качестве классического веселого толстяка, как нельзя лучше подтверждавшего это расхожее представление. Вот только сегодня дядя Дикран был сам на себя не похож.

– А где Барсам? – спросил он и, протянув руку к горе котлет, взял одну. – Он вообще знает, что его жена затеяла?

– Бывшая жена, – поправила тетюшка Зарухи.

Недавно начав работать учительницей младших классов, она целыми днями сражалась с непослушными детьми и теперь невольно поправляла малейшую ошибку.

– Ага, бывшая, только она-то себя бывшей не считает. Я вам говорю, эта женщина спятила. Да она все делает нам в пику. Это так же верно, как то, что меня зовут Дикран. А если я не прав, то тогда я не Дикран!

– Да нет, оставайся уж Дикраном, – успокаивала его Вар-

сениг. – Никто не сомневается в том, что она все специально делает.

– Мы должны спасти Армануш, – вмешалась бабушка Шушан, истинная глава семьи.

Она вышла из-за стола и проследовала к своему креслу. Шушан прекрасно готовила, но сама никогда не отличалась особым аппетитом, а в последнее время, к ужасу дочерей, вообще съедала не больше чайной ложки в день. Эта маленькая, сухонькая женщина с тонкими чертами лица проявляла недюжинную силу воли и находила выход из еще более серьезных ситуаций. От нее так и веяло уверенностью в том, что она знает, что делает. Родственники не уставали поражаться ей. Ни при каких обстоятельствах она не признавала поражения; неослабно верила в то, что жизнь – всегда борьба, а для армянина – трижды борьба; умудрялась склонить на свою сторону всех, с кем ее сталкивала судьба.

– Благополучие ребенка важнее всего, – пробормотала бабушка Шушан, поглаживая серебряный образок святого Антония, который никогда не снимала. Святой покровитель, помогавший найти потерянное, не раз давал ей силы справиться с постигшими утратами.

С этими словами бабушка Шушан села вязать. Со спиц свисали первые фрагменты ярко-синего одеяльца с вывязанными по краю инициалами «А. Ш.». Какое-то время все молча наблюдали за отточенными движениями орудовавших спицами рук. Вязание бабушки Шушан действовало на се-

мью как групповая психотерапия. Они успокаивались, глядя, как равномерно и четко нанизываются петли. Казалось, пока бабушка Шушан вяжет, можно ничего не бояться и верить, что все в конечном итоге будет хорошо.

– Ты права! Бедная малютка Армануш! – воскликнул дядя Дикран, который, как правило, во всех семейных спорах принимал сторону Шушан, понимая, что всецельной матери семейства лучше не перечить. – И что же станется с бедной овечкой? – спросил он упавшим голосом.

Никто не успел ответить. У порога зазвенели ключами и отперли входную дверь. В комнату вошел Барсам. Он был бледен, встревоженно глядел из-за очков в металлической оправе.

– Смотри-ка, кто пришел! – воскликнул дядя Дикран. – Господин Барсам, вашу дочь, похоже, будет воспитывать турок, а вы сидите сложа руки... Amot!¹

– Что же я могу поделать? – сокрушенно посетовал Барсам, поворачиваясь к дяде.

Он уставился на висевшую на стене огромную репродукцию «Натюрморта с масками» Мартироса Сарьяна, словно искал в картине ответ на свой вопрос. Но, похоже, помощи там не нашел и продолжил столь же безутешным тоном:

– Я не имею права вмешиваться. Роуз – ее мать.

– Ой, беда! И это мать? – расхохотался Дикран Стамбулян; для столь крупного мужчины у него был неестествен-

¹ Позор! (армян.)

но визгливый смех, обычно он за этим следил и сдерживался, но сейчас слишком волновался. – И что же эта невинная овечка скажет друзьям, когда вырастет? Мой отец – Барсам Чахмахчян, мой двоюродный дедушка – Дикран Стамбулян, его отец – Варвант Истанбулян, меня зовут Армануш Чахмахчян, в моей семье все фамилии заканчивались на «ян», все мои предки пережили геноцид, а всю их родню, как скот, вырезали турки в тысяча девятьсот пятнадцатом году, но мне промыли мозги и научили отрицать геноцид, потому что меня воспитывал некий турок по имени Мустафа. Смешно, да?.. – Дикран Стамбулян замолчал и внимательно посмотрел на племянника, чтобы понять, произвели ли его слова должное действие; Барсам словно окаменел. – Давай, Барсам, – продолжал дядя Дикрам громким голосом, – сегодня же лети в Тусон и останови этот фарс, пока еще не поздно. Поговори с женой.

– Бывшей женой, – поправила его тетушка Зарухи и взяла кусочек бурмы. – Ох, нельзя мне это есть, столько сахара. Столько калорий! Мама, почему бы тебе не попробовать класть искусственные заменители сахара?

– Потому что на моей кухне нет места ничему искусственному, – ответила Шушан Чахмахчян. – Ешь от души, пока молодая, вот состаришься, тогда и будет диабет, всему свое время.

– Да, ты права, я, пожалуй, еще не вышла из сахарного возраста, – подмигнула матери тетушка Зарухи, но реши-

лась съесть только часть, оставив половинку на своей тарелке. Жуя, она обратилась к брату: – А что, вообще, Роуз делает в Аризоне?

– Она нашла там работу, – равнодушным голосом сказал Барсам.

– Да уж, тоже мне работа! – фыркнула тетушка Варсениг и постучала по горбинке своего носа. – Что она себе вообразила! Энчилады начиняет, словно у нее ни гроша нету. Знаете, она это специально. Она хочет выставить нас виноватыми перед всем светом, чтобы думали, будто мы не даем ей денег на ребенка. Доблестная мать-одиночка сражается наперекор всему. Вот роль, которую она пытается играть.

– С Армануш все будет в порядке, – пробормотал Барсам, стараясь, чтобы голос звучал не слишком безнадежно. – Роуз осталась в Аризоне, потому что собирается вернуться в колледж. Работа в студенческом клубе – это так, временная халтура. На самом деле она планирует стать учительницей, быть с детьми. В этом нет ничего плохого. Если она сама в порядке и об Армануш заботится, пускай встречается с кем хочет.

– С одной стороны, ты прав, а с другой – нет, – заговорила тетушка Сурпун, с ногами устроившись на стуле, и в глазах у нее вдруг появилось что-то жесткое и циничное. – Если бы мы жили в идеальном мире, ты мог бы сказать: да, это ее жизнь, нас она никак не касается. Да, если историческая память, наследие предков для тебя – пустой звук. Если ты жи-

вещь одним днем, тогда, конечно, можешь утверждать так. Но ты ведь знаешь, что прошлое живет в настоящем, а наши предки – в наших детях. Пока у Роуз остается твоя дочь, ты имеешь полное право вмешиваться в ее жизнь. Особенно, если она заводит роман с турком.

Не будучи искушенной в философских беседах и предпочитая простую житейскую мудрость интеллектуальным доводам, тетушка Варсениг вставила:

– Барсам, милый, ты можешь показать мне какого-нибудь турка, который говорил бы по-армянски? – Вместо ответа он искоса взглянул на старшую сестру, и, кивнув, она продолжила: – А сколько турок когда-либо выучили армянский? Ни одного! Почему наши матери учили их язык, а не наоборот? Разве не ясно, кто над кем доминировал? Из Средней Азии пришла только горстка турок, ведь так? И вдруг в мгновение ока они оказались повсюду. А куда делись миллионы армян, которые там жили раньше? Смешались с завоевателями. Зверски убиты! Осиротели! Депортированы! И ты хочешь отдать свою дочь, свою плоть и кровь тем, из-за кого нас осталось так мало, виновникам наших горестей? Месроп Маштоц² в гробу перевернется!

Барсам молча покачал головой.

Понимая, что племяннику несладко, дядя Дикран решил разрядить обстановку и рассказать анекдот:

² Месроп Маштоц (361/362–440) – основоположник армянской письменности и литературы.

– Араб приходит к парикмахеру. Парикмахер его стрижет, араб хочет заплатить, а парикмахер не берет деньги. «Никак не могу, – говорит, – это общественно полезная деятельность». Араб приятно удивлен и уходит. Наутро парикмахер отпирает свою лавку и обнаруживает под дверью благодарственную открытку и корзинку фиников... – (Одна из спавших на диване близняшек заерзала, почти захныкала, но так и не проснулась.) – На следующий день к этому же парикмахеру приходит турок. Парикмахер его стрижет, турок хочет заплатить, а парикмахер не берет деньги. «Никак не могу, – говорит, – это общественно полезная деятельность». Турок приятно удивлен и уходит. Наутро парикмахер отпирает свою лавку и обнаруживает под дверью благодарственную открытку и коробку лукума... – (Разбуженная ерзаньем сестры, заплакала вторая близняшка, и тетушка Варсениг бросилась к ней и успокоила одним легким прикосновением.) – На следующий день к этому парикмахеру приходит армянин. Парикмахер его стрижет, армянин хочет заплатить, а парикмахер не берет деньги. «Никак не могу, – говорит, – это общественно полезная деятельность». Армянин приятно удивлен и уходит. Наутро парикмахер отпирает свою лавку, и, как вы думаете, что же он обнаруживает?

– Сверток с бурмой? – предположил Кеворк.

– Нет, дюжину армян, выстроившихся в ожидании бесплатной стрижки.

– Ты намекаешь на то, что мы нация крохоборов? – спро-

сил Кеворк.

– Нет, невежественный юноша, я просто хочу сказать, что мы, армяне, друг о друге заботимся и, если находим что-то хорошее, сразу делимся с родственниками. Именно этот коллективный дух и помог армянскому народу выжить.

– Да, но еще ведь говорят, стоит сойтись двум армянам, как они делятся на три церкви, – не отступал кузен Кеворк.

Дикран Стамбулян что-то проворчал по-армянски. Он всегда переходил на армянский, когда пытался вразумить молодежь, но в этот раз ничего у него не вышло.

Кеворк понимал только разговорный армянский, но никак не литературный язык, поэтому нервно захихикал, может быть, даже слишком нервно, чтобы никто не заметил, что он перевел только первую половину предложения.

– Не зли мальчика, – приподняв одну бровь, сказала бабушка по-турецки, как делала всегда, когда хотела, чтобы ее поняло только старшее поколение.

Услышав ее, дядя Дикран вздохнул, как мальчик, которого отчитала мать, и стал искать утешения в тарелке.

Воцарилась тишина. На улице только что зажегся фонарь, и в его сонном свете комната вдруг наполнилась сиянием. Все словно светилось изнутри, и люди, и вещи: трое мужчин, три поколения женщин, устилавшие пол коврики, старинное серебро в буфете, самовар на серванте, кассета с фильмом «Цвет граната»³ в видеоманитофоне, множество кар-

³ «Цвет граната» – фильм об армянском поэте XVIII в. Саят-Нове, снятый

тин, икона святой Анны и плакат с изображением горы Ара-
рат, увенчанной снежной шапкой. Казалось, с ними вместе
здесь замерли призраки прошлого.

Перед домом остановилась машина. Ее фары, как софи-
том, прорезали внутреннее пространство комнаты, высве-
тив висевшую на стене табличку в золотой рамке: «ИСТИН-
НО ГОВОРЮ ВАМ: ВСЕ, ЧТО ВЫ СВЯЖЕТЕ НА ЗЕМЛЕ,
ТО БУДЕТ СВЯЗАНО НА НЕБЕ, И ЧТО РАЗРЕШИТЕ НА
ЗЕМЛЕ, ТО БУДЕТ РАЗРЕШЕНО НА НЕБЕ. МФ, 18: 18».

За окном снова прозвенел трамвай, на котором галдевшие
дети и туристы перемещались из района Рашен-Хилл в ак-
вапарк, морской музей и к рыбацкой пристани. Был час пик,
шум города хлынул в комнату и заставил всех очнуться от
забытья.

– Роуз в душе совсем не плохая, – набрался смелости ска-
зать Барсам. – Ей было непросто к нам привыкнуть. Когда
мы познакомились, она была такой робкой девочкой из Кен-
тукки.

– Говорят, дорога в ад вымощена благими намерениями, –
бросил дядя Дикран.

Но Барсам пропустил его слова мимо ушей и снова заго-
ворил:

– Вы только подумайте: там даже спиртное не продают.
Запрещено! Знаете, какое самое яркое событие в их Элиза-
беттауне? Это – ежегодный праздник, когда местные жители

наряжаются в костюмы отцов-основателей. — Барсам воздел руки, то ли чтобы подтвердить свою правоту, то ли воззвать к Господу с отчаянной мольбой. — А потом они все шествуют в центр города, чтобы встретить там генерала Джорджа Армстронга Кастера.

— Вот именно поэтому тебе и не надо было на ней жениться, — пробормотал дядя Дикран.

Он уже выпустил всю злость и понимал, что не может больше сердиться на любимого племянника.

— Я должен донести до вас, что Роуз была с детства лишена мультикультурной среды, — заметил Барсам. — Единственная дочь типичной пары с Юга, державшей скобяную лавку, она выросла в маленьком городке, а потом вдруг — раз! — и оказалась посреди многочисленного дружного семейства армян-католиков, живущих диаспорой. Огромная семья, обремененная историческими травмами. Немудрено, что ей было трудно.

— Ну, нам тоже было нелегко... — возразила тетушка Варсениг, нацелив на брата зубья вилки, а потом вонзила их в котлетку.

Не в пример матери, она отличалась отменным аппетитом, но непостижимым образом умудрялась оставаться очень худой, хотя ежедневно поглощала огромное количество еды и к тому же совсем недавно произвела на свет близнецов.

— Да и вообще, она и готовить-то ничего не умела, кроме

кошмарного барбекю из баранины с булочкой. Всякий раз, когда мы приезжали к вам в гости, она напяливала грязный фартук и жарила баранину.

Все, кроме Барсама, засмеялись.

– Но, надо отдать ей должное, – продолжила тетушка Варсениг, довольная, что все оценили ее сарказм, – она время от времени меняла соус. Бывало, нам подавали барбекю из баранины с острым соусом «Текс-мекс», а в другой раз – барбекю из баранины с соусом «Ранч». Кухня твоей жены была просто чудом разнообразия.

– Бывшей жены, – снова поправила ее тетушка Зарухи.

– Но вы ей тоже спуска не давали, – сказал Барсам, стараясь не глядеть ни на кого конкретно, словно обращаясь ко всем сразу. – Позвольте вам напомнить, что первое армянское слово, которое она узнала, было «отар».

– Но она и есть отар, – хлопнул племянника по спине дядюшка Дикран. – Если она чужая, почему бы ее так не называть?

Ошарашенный хлопком больше, чем вопросом, Барсам решил добавить:

– Кое-кто в этой семье даже называл ее колючкой.

– И что такого? – доедая чурек, обиженно возразила тетушка Варсениг, принявшая это замечание на свой счет. – Эта женщина должна была бы сменить имя с Розы на Колючку. Имя Роза ей совсем не подходит. Такое нежное для такой злючки. Если бы ее мама с папой хотя бы на секунду могли

представить, какая она вырастет, они бы точно окрестили ее Колючкой, ты уж мне поверь, брат!

– Пошутили – и хватит! – велела Шушан Чахмахчян.

В ее словах не было ни упрека, ни угрозы, но на всех присутствующих они оказали именно такое действие. Сумерки сгустились, и в комнате стало почти темно. Бабушка Шушан встала и зажгла хрустальную люстру.

– Мы должны уберечь Армануш от беды, это единственное, что имеет значение, – сказала Шушан Чахмахчян тихим голосом; сетка морщин на ее лице и тонкие багровые вены на руках были словно высвечены ярким электрическим светом. – Мы нужны бедной овечке так же, как она нам. – Она медленно покачала головой, выражение непреклонной решимости сошло с ее лица, уступило место смирению. – Надо быть армянином, чтобы понять, каково это, когда вас становится все меньше и меньше. Мы как дерево, которому отрубили ветки. Пускай Роуз встречается с кем хочет, пускай выходит за него замуж, но ее дочь – армянка, и воспитать ее надо как армянку. – Шушан наклонилась к старшей дочери и сказала ей с улыбкой: – Дай-ка мне твою половину пирога. Диабет, не диабет, разве можно отказаться от бурмы?

Глава 4

Жареный фундук

Асия Казанчи никогда не понимала, почему некоторые люди так любят свой день рождения. Лично она его ненавидела. Всегда ненавидела. Может быть, дело в том, что с самого детства каждый день рождения ее заставляли есть один и тот же именинный торт: ужасно приторный трехслойный карамельно-яблочный бисквит, покрытый ужасно кислым кремом из взбитых сливок с лимоном. Непонятно, как это тетki вновь и вновь рассчитывали на то, что этот торт ее порадует, хотя она каждый раз отчаянно протестовала. Наверное, они забывали. Должно быть, все воспоминания о прошлогоднем дне рождения попросту стирались из их сознания. Такое возможно. В семействе Казанчи всегда помнили чужие истории, а вот собственные напрочь забывали.

В общем, каждый свой день рождения Асия ела все тот же торт и при этом понимала про себя что-то новое. Так, в три года она обнаружила, что можно добиться практически всего, если только закатить истерику. А три года спустя, в шестой день рождения, поняла, что с истериками пора завязывать, потому что взрослые хотя и выполняли ее желания, но продолжали относиться к ней как к маленькой. К восьми годам она осознала то, о чем прежде лишь смутно догадыва-

лась: она незаконнорожденная. Теперь-то она понимала, что это открытие было вовсе не ее собственной заслугой, и она бы еще долго ничего не узнала, если бы не бабушка Гульсум.

Как-то раз волею случая бабушка и внучка остались вдвоем в гостиной. Они с головой ушли каждая в свое занятие: одна поливала цветы, другая раскрашивала клоуна в детском альбоме.

– А почему ты разговариваешь с растениями? – полюбопытствовала Асия.

– Потому что от этого они расцветают.

– Правда? – улыбнулась во весь рот девочка.

– Конечно! Надо им сказать, что земля – их мать, а вода – отец, и тогда они сразу воспрянут и расцветут.

Асия больше вопросов не задавала и снова принялась за клоуна. Костюм его она сделала оранжевым, зубы – зелеными и хотела уже раскрасить ботинки ярко-красным, но вдруг прервалась и стала подражать бабушке: «Ты моя милочка, ты моя лапочка, земля – твоя мамочка, водичка – твой папочка». Гульсум не подавала виду, что слышит. И Асия – как это на нее не обращают внимания? – совсем раскуражилась, затянула громче одно и то же.

Гульсум собиралась поливать свою любимицу – африканскую фиалку.

– Как поживаешь, милая? – ворковала она с цветком.

Асия передразнила ее:

– Как поживаешь, милая?

Бабушка нахмурилась и прикусила губу, но все же не замолчала:

– Какая же ты красивая, такая пурпурная.

– Какая же ты красивая, такая пурпурная, – кривлялась Асия.

И тут Гульсум жестко сжала рот и тихо выдавила из себя:

– Приблудная.

Она произнесла это так спокойно, что Асия сначала даже не поняла, что слово адресовано ей, а не цветку.

Что это значит, Асия узнала только через год, ближе к девятому дню рождения, когда ее обозвали... в школе. Потом, в десять лет, до нее вдруг дошло, что, в отличие от одноклассниц, у нее дома нет ни одного мужчины. Еще три года ушло на то, чтобы осознать все последствия этого факта. В четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый дни рождения она сделала еще по открытию. Первое: другие семьи не похожи на ее семью, иногда они даже нормальные. Второе: у нее в роду как-то слишком много женщин, а с мужчинами связано как-то слишком много секретов, а еще они куда-то исчезали, как-то слишком рано и слишком уж странным образом. И наконец, третье. Она может хоть из кожи вон лезть, но никогда не станет красивой. К семнадцати годам Асия поняла еще, что ее связь со Стамбулом не глубже, чем у временно выставленных городскими властями знаков «РЕМОНТ ДОРОГИ» или «ВЕДЕТСЯ РЕСТАВРАЦИЯ» или чем у тумана, нависавшего над городом в ненастные ночи

лишь для того, чтобы бесследно рассеяться на рассвете.

Уже на следующий год, за два дня до восемнадцатилетия, Асия ограбила домашнюю аптечку и проглотила все найденные таблетки. Она очнулась в постели, над ней стояли четыре тетки и обе бабушки – Гульсум и Петит-Ма. Сначала они заставили ее вытошнить все до последней капли, а потом отпаивали какими-то мутными вонючими травяными отварами. В восемнадцатый год своей жизни Асия вступила с осознанием, увенчавшим все ее прежние открытия: в этом дурацком мире право на самоубийство было редкой роскошью, и ты точно не войдешь в число счастливых обладателей этого права, если живешь в такой семейке, как у нее.

Не совсем понятно, было ли это умозаключение как-то связано с последующими событиями, но именно тогда началось ее страстное увлечение музыкой. Это была не абстрактная всеядная любовь к музыке вообще и даже не одержимость определенными жанрами, нет. Это была настоящая фиксация на одном-единственном певце – Джонни Кэше⁴. Она подробнейшим образом изучила и знала все, что его касалось: перемещения от Арканзаса до Мемфиса, взлеты и падения, собутыльников и жен, все фотографии, привычки и, конечно, тексты песен. В восемнадцать лет она избрала слова песни «Thirteen» девизом на всю оставшуюся жизнь и решила, что и ей на роду написано всюду приносить беду.

⁴ *Джонни Кэш* (1932–2003) – американский композитор и исполнитель песен в стиле кантри.

Сегодня ей исполнилось девятнадцать, то есть ровно столько, сколько было матери в момент ее рождения. Отметив это обстоятельство, Асия сразу почувствовала себя куда более взрослой, но еще не вполне понимала, что делать с этим открытием. Одно она знала наверняка: отныне никто не смеет обращаться с ней как с ребенком, и она фыркнула: – Предупреждаю! В этом году никакого торта!

Она расправила плечи и подбоченилась, забыв на секунду, что так выпячивает огромную грудь, иначе сгорбилась бы снова. Асия ненавидела свой пышный бюст и тяготилась этим материнским наследством.

Иногда она сравнивала себя с упоминавшимся в Коране таинственным существом по имени Даббат аль-ард, чудовищным великаном, который явится в Судный день. Подобно этому фантастическому гибриду, состоящему из разных реальных животных, она унаследовала от родственниц отдельные части тела, кои странным образом в ней сочетались. Асия была очень высокая, гораздо выше большинства стамбульских женщин, этим она пошла в мать Зелиху, которую, кстати, тоже называла тетушкой. У нее были костлявые, в тонких жилках пальцы тетушки Севрие, дурацкий острый подбородок тетушки Фериде и слоновьи уши тетушки Бану. А нос у нее был до того горбатый, что даже неприлично. Такой нос имел лишь два аналога в истории: у султана Мехмеда Завоевателя и у тетушки Зелихи. Султан Мехмед покорил Константинополь; относиться к этому можно как угодно, но

историческое значение данного факта поневоле заставляло забыть о форме носа. А у тетушки Зелихи была такая харизма и столь пленительное тело, что взиравшие на нее не видели никакого изъяна и все в ней, даже нос, считали совершенством. Но Асия не могла похвастать великодержавными победами и была начисто лишена природного очарования, поэтому просто не знала, как жить с таким носом.

Конечно, она унаследовала от родственниц и кое-что хорошее, хотя бы волосы. Они у нее были черные как смоль и вились буйными кудрями. По идее, такие волосы были у всех женщин в семье, а на деле – только у тетушки Зелихи. Строгая учительница Севрие, например, закалывала их в тугой пучок, а тетушка Бану вообще в счет не шла, потому что практически не снимала платка. Тетушка Фериде неистово меняла прически и цвет волос по настроению. Бабушка Гульсум считала, что старухе неприлично закрашивать седину, и ее голова напоминала ватный шарик. А Петит-Ма была яркой поклонницей рыжего цвета. Прогрессировавший «альцгеймер» приводил к тому, что она забывала множество вещей, включая имена родных, но еще ни разу не забыла покрасить волосы хной.

В списке положительных наследственных черт были также миндалевидные газельи глаза (от тетушки Бану), высокий лоб (от тетушки Севрие) и взрывной темперамент, который странным образом давал ей силы жить (от тетушки Фериде). И все же ей было тошно видеть, как она с каждым

годом становится все больше похожа на них. Во всем, кроме одного – их склонности к безрассудству. Все женщины семейства Казанчи были совершенно непредсказуемы. Не желая им уподобляться, Асия какое-то время назад поклялась никогда не сворачивать с пути рационального аналитического мышления.

К девятнадцати годам страстное стремление отстоять свою индивидуальность придало Асии невиданные силы, чтобы бунтовать по самым необычным поводам. У нее действительно были серьезные основания гневаться, поэтому она запротестовала еще отчаяннее и яростнее:

– Больше никаких идиотских тортов!

– Поздно, милочка, он уже готов. – Тетушка Бану сверкнула на нее очами поверх только что перевернутой карты «Восьмерки пентаклей». Разложенная на столе колода Таро не предвещала ничего хорошего, разве что следующие три карты окажутся особенно счастливыми. – Только не подавай виду, что знаешь, а то твоя бедная мама расстроится, мы же хотели сделать тебе сюрприз.

– Сюрприз... Я думала, сюрприз – это что-то менее предсказуемое, – проворчала Асия.

Она уже успела понять, что быть членом семьи Казанчи значило, что ты, помимо всего прочего, должна уверовать в магическую силу абсурда и постоянно находить какую-то логику в самых несуразных вещах, логику, которая будет убеждать окружающих и, если немного постараться, даже тебя.

– В этом доме я отвечаю за предсказания и пророчества, – подмигнула тетушка Бану.

И в ее словах была известная доля правды. Тетушка Бану годами упражнялась и разрабатывала свои способности к ясновидению, а потом начала принимать посетителей и брать с них деньги. В одночасье гадалка стала стамбульской знаменитостью. Это вопрос везения: надо только удачно погадать кому-нибудь, а там не успеешь оглянуться – и это уже твоя главная клиентка. А с ее подачи ветер и чайки разнесут весть о тебе по всему городу, так что не пройдет и недели, как у крыльца выстроится целая шеренга клиентов. Таким образом, тетушка Бану окончательно посвятила себя искусству гадания и начала триумфальное восхождение по профессиональной лестнице, причем с каждой ступенью слава ее росла. Со всего города к ней спешили девицы и вдовы, юные девушки и беззубые старухи, бедные и богатые, каждая со своими тревогами. Всем им не терпелось узнать, что же уготовила им Фортуна, эта легкомысленная и непостоянная богиня. Они приходили с уймой вопросов и уходили домой с новыми вопросами. Иные щедро платили в надежде подкупить Фортуну, другие не давали ни гроша. Они были очень разные, но их объединяло главное: это были женщины. Официально объявив себя гадалкой, тетушка Бану зареклась принимать мужчин.

Между тем с самой тетушкой Бану произошли решительные перемены, и в первую очередь они коснулись ее внеш-

ности. Только вступив на поприще гадалки, она стала живописно драпироваться в ярко-алые пышно расшитые шали. Вскоре их сменили кашемировые платки, платки – пашминовые палантины, палантины – небрежно повязанные шелковые тюрбаны, причем все красных оттенков. Затем тетушка Бану вдруг сообщила, что решилась исполнить свое давнишнее тайное желание: отречься от всего земного и без остатка посвятить себя служению Всевышнему. Она торжественно объявила, что на пути к этой высокой цели намерена предаться покаянию и отрешиться от мирской суеты подобно дервишам и аскетам былых времен.

– Но ты не дервиш!

Ехидные сестры были как одна полны решимости отговорить ее от такого неслыханного во всей истории семейства Казанчи святотатства. И все три принялись перечислять аргументы против, причем каждая старалась говорить самым дружелюбным тоном.

– Ты только подумай, – ужаснулась самая чувствительная из сестер, тетушка Севрие, – дервиши носили жесткую дерюгу или рубище из грубой шерсти, а вовсе не кашемировые шали.

Тетушка Бану смущенно сглотнула, ей было явно не по себе, как-то неловко в собственной одежде и теле.

– А еще дервиши спали на соломе, а вовсе не на огромных пуховых перинах, – подхватила тетушка Фериде, главная чудачка.

Тетушка Бану стояла неподвижно, как на допросе, уставившись в противоположный угол комнаты и не смея поднять глаз на своих мучительниц. Разве она виновата, что у нее так ужасно болит спина и ей непременно нужно спать на особом матрасе?

– К тому же у дервишей не было эго. А у тебя? Ты только посмотри на себя! – заявила тетушка Зелиха, самая нетривиальная.

Но тетушка Бану решила защищаться и перешла в контрнаступление:

– У меня тоже нет эго. Больше нет. С этим покончено. – И добавила каким-то новым просветленным голосом: – Я вступлю в битву с моим эго, и я его одолею.

Если кто-нибудь из членов семейства Казанчи решался затеять что-то необычное, остальные всегда реагировали одинаково: они продолжали жить, как раньше, словно говорили: «Валяй, нам-то что, думаешь, нам это интересно?» Слова тетушки Бану тоже не восприняли всерьез. Убедившись во всеобщем скепсисе, она бросилась в свою комнату, со стуком захлопнула дверь и не открывала ее на протяжении следующих сорока дней, не считая коротких вылазок в туалет и на кухню. Еще она однажды приоткрыла дверь, чтобы повесить на нее картонный плакатик с надписью: «ОТРЕКИСЬ ОТ СЕБЯ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ».

Поначалу Бану думала взять к себе доживавшего последние дни Пашу Третьего. Наверное, надеялась обрести в нем

товарища во время покаянного затворничества, хотя, вообще-то, дервиши не держали домашних животных. Но Паша Третий, пусть и бывал временами крайне необщительным, не осилил отшельнической жизни. Он был слишком привязан к мирским удовольствиям, взять хотя бы брынзу или электрические провода. Проведя в келье Бану не больше часа, Паша Третий истошно замыкал и принялся так отчаянно скрестись в дверь, что его немедленно выпустили. Лишившись единственного товарища, тетушка Бану целиком отдалась тоске и одиночеству, погрузилась в полное молчание, словно оглохла и онемела. Она перестала принимать душ, причесываться и даже не смотрела свою любимую мыльную оперу «Проклятие плюща любовной страсти», бразильский сериал про добросердечную красавицу-модель, которую постоянно предают самые дорогие ее сердцу люди.

Настоящим потрясением для всех стало то, что тетушка Бану, всегда отличавшаяся невероятным аппетитом, стала питаться лишь хлебом и водой. Конечно, она и раньше славила любовью к углеводным продуктам, особенно к хлебу, но никто и представить себе не мог, что хлеб станет ее единственной пищей. Сестры всячески искушали ее, надеясь, что она уступит своей главной слабости, и постоянно что-то готовили, наполняя дом ароматами десертов, жареной во фритюре рыбы, запеченного мяса, которое для пущего запаха щедро поливали топленным маслом.

Но тетушка Бану не дрогнула, напротив, она еще тверже

хранила верность благочестивым упражнениям и сухарям. Сорок дней она оставалась полностью недоступна для домашних, хотя и продолжала жить с ними под одной крышей. Все эти обычные бытовые дела: мытье посуды, стирка, просмотр телевизора и болтовня с соседями – стали для нее источником скверны, и она не желала иметь к ним никакого касательства. Время от времени сестры приходили ее проводить и всегда видели одно и то же: Бану сидела и громко читала Коран. Она так глубоко погрузилась в бездну благодати, что стала совсем чужой тем, с кем прожила всю жизнь.

И вот наступило утро сорок первого дня. Все сидели за столом и завтракали яичницей и жареными на гриле колбасками, когда Бану выплыла наконец из своей комнаты. Лицо ее светилось лучезарной улыбкой, глаза таинственно сверкали, а голову украшал шарф вишневого цвета.

– Что это за унылая тряпка у тебя на голове?! – воскликнула бабушка Гульсум, которая за все эти годы ни капли не смягчилась и все так же смахивала на Ивана Грозного.

– Я теперь буду покрывать голову, как велит моя вера.

– Что еще за бред! – нахмурилась бабушка. – Турецкие женщины уже девяносто лет как сняли платки. Ни одна из моих дочерей не поступится правами, которые великий генерал Ататюрк даровал женщинам этой страны.

– Конечно, – поддакнула тетушка Севрие, – в тысяча девятьсот тридцать четвертом году женщины получили избирательные права. На всякий случай напоминаю, что история

движется вперед, а не назад, так что немедленно сними.

Но тетушка Бану не послушалась. Она продолжала ходить в платке и, пройдя испытание тремя «П»: Покаяние, Поклоны и Пост, – с полным правом объявила себя гадалкой. На протяжении этого духовного пути менялась не только внешность Бану, но и то, как она предсказывала будущее. Сначала она гадала исключительно на кофейной гуще, но с течением времени стала прибегать к новым и весьма оригинальным способам, таким как гадание на картах Таро, сушеных бобах, серебряных монетах, четках, дверных звонках, искусственном и настоящем жемчуге, морской гальке – на всем, что могло помочь связаться с иным миром. Иногда она вступала в оживленную беседу с собственными плечами, на которых, как она утверждала, сидели, болтая ножками, два невидимых джинна. На правом плече – добрый джинн, а на левом – злой. Она знала их имена, но не хотела произносить вслух и называла их просто мадам Милашка и мсье Стервец.

Однажды Асия спросила тетку:

– А почему ты не сбросишь с плеча злого джинна?

И получила ответ:

– Иногда и зло бывает нам полезно.

Асия попробовала было нахмуриться и закатить глаза, но это придало ее лицу совсем детское выражение. Она принялась насвистывать мотив из песни Джонни Кэша, которую часто вспоминала, когда имела дело с тетками: «Почему я, боже, что я такого сделал?..»

– Что ты там свистишь? – недоверчиво спросила тетушка Бану, совсем не знавшая английского и с подозрением относившаяся к непонятным языкам.

– Песню, в которой говорится, что ты, самая старшая из моих теток, должна бы подавать пример, учить меня отличать добро и зло, а ты рассказываешь мне о необходимости зла.

– Послушай-ка, – начала тетушка Бану, пристально глядя на племянницу, – в этом мире есть столь ужасные вещи, что добросердечные люди, благослови их Аллах, даже представить себе не могут. Но так, скажу я тебе, и должно быть. Правильно, что они живут в неведении, это только подтверждает, какие они хорошие. В противном случае, знай они об этих вещах, они бы уже не смогли оставаться такими хорошими.

Асии ничего не оставалось, кроме как кивнуть. К тому же она чувствовала, что Джонни Кэш согласился бы с этим.

– Но если ты вдруг попадешь в ловушку злых козней, то обратишься за помощью вовсе не к этим добрым людям.

– И ты думаешь, я попрошу помощи у злых джиннов! – воскликнула Асия.

– Может быть, и да, дорогая, – покачала головой тетушка Бану. – Но будем надеяться, тебе не придется.

Вот и все. Впредь они никогда не говорили больше о том, что добро не всемогуще и иногда не обойтись без злых сил.

Примерно в это же время тетушка Бану модернизирована-

ла гадательные техники и перешла на лесные орешки, как правило, жареные. Домашние подозревали, что источником этого нововведения послужила, как это часто бывало, обычная случайность. Скорее всего, какая-то клиентка застигла тетушку Бану врасплох, когда та поедала фундук, и ворожея вышла из положения, заявив, что собирается по нему гадать. Так полагали члены семьи. А все прочие думали иначе. По Стамбулу ходили слухи, что, как истинная праведница, Бану не брала денег с бедных посетительниц и просила их принести горсть фундука. Так фундук стал символом ее доброго сердца. Так или иначе, необычный способ гадания только приумножил ее и без того раздутую славу. Ее стали называть «матушка Фундук» или даже «шейх Фундук», забывая о том, что женщины из-за своей ограниченности не могут удостоиться столь высокого звания.

Злые джинны, жареный фундук... Конечно, Асия Казанчи со временем привыкла к этим и многим другим чудачествам тетки, но с одним она ну никак не могла смириться: с этим ее прозвищем. Невозможно было спокойно относиться к тому, что тетушка Бану превратилась в шейха Фундук. Вот почему, когда та принимала клиентов или раскладывала карты Таро, Асия старалась держаться подальше. Поэтому она и притворилась, что не слышала теткиных слов, и осталась бы в блаженном неведении, не войди в этот самый миг тетушка Фериде. Она несла огромное блюдо, на котором переливался глазурью именинный торт.

– А ты что здесь делаешь? – нахмурившись, спросила она. – У тебя же сейчас балет!

Ах да, еще одно звено сковывавших ее цепей. Турецкие матери из буржуазных семей часто жаждали, чтобы их дети добились блестящих успехов в занятиях, подобающих, по их убеждению, детям аристократов. Эта семья принадлежала к верхней прослойке среднего класса, так что Асию тоже заставляли заниматься вещами, которые ее совершенно не интересовали.

– Дурдом какой-то, – пробормотала Асия; эту фразу она постоянно твердила, как мантру. – Не волнуйся, я уже убегаю, – сказала она погромче.

– И какой от него теперь прок? – резко спросила Фериде, указывая на торт. – Это же должен был быть сюрприз!

– В этом году она не хочет никакого торта, – заметила из своего угла тетушка Бану и открыла первую из оставшихся трех карт.

Это была «Верховная жрица». Символ интуитивного осознания, открытого для воображения и тайных дарований, но также и для всего неведомого. Поджав губы, гадалка открыла следующую карту: «Башня». Символ бурных перемен, эмоциональных встрясок и внезапного краха. Тетушка Бану призадумалась, потом открыла третью карту. Похоже на то, что надо ждать гостя, совершенно неожиданного заморского гостя.

– Как это не хочет торт? У нее же день рождения, во имя

всего святого! – воскликнула тетушка Фериде, сморщив губы и гневно сверкая глазами.

Но потом ее, похоже, осенило, она прищурилась и обернулась к Асии:

– Ты что, боишься, что торт отравлен?

Асия уставилась на нее в недоумении. За все эти годы, имея за плечами огромный опыт, она так и не научилась сохранять спокойствие и невозмутимость, когда у Фериде случались подобные вспышки. Фериде годами сохраняла верность диагнозу «гебефреническая шизофрения», но недавно переключилась на паранойю. Все их попытки как-то вернуть ее к действительности только усиливали ее паранойю и подозрительность.

– Боится, что торт отравлен? Конечно нет, ну ты и чудачка!

Все повернулись к дверям. На пороге стояла тетушка Зелиха; на плечи наброшена вельветовая куртка, на ногах – туфли на высоком каблуке, а на лице – легкая насмешка. Она была так хороша, что дух захватывало. Должно быть, она незаметно проскользнула в комнату и молча слушала разговор, а может быть, научилась материализовываться по собственному усмотрению.

С годами ее юбки не стали длиннее, а каблуки – ниже. Этим Зелиха отличалась от большинства турчанок, которые позволяли себе такое разве что в юности. Одевалась она так же экстравагантно. Прожитые годы только прибавили к ее

красоте, тогда как для сестер они не прошли бесследно. Кажалось, Зелиха прекрасно осознавала всю силу своего очарования, поэтому она осталась в дверях и принялась разглядывать холеные ногти. Она очень трепетно относилась к своим рукам, ведь она ими работала. С одной стороны, в душе у Зелихи было много агрессии и гнева, а с другой – она не выносила бюрократию и субординацию. Этим и определился ее выбор профессии: она довольно рано поняла, что ей подойдет такое занятие, при котором она сможет ни от кого не зависеть, проявлять выдумку и, желательно, иногда делать клиентам больно.

Десять лет назад тетушка Зелиха открыла салон татуировок и стала постепенно собирать коллекцию авторских рисунков. Наряду с классикой жанра: алыми розами, радужными бабочками, пронзенными сердцами и обычным набором мохнатых насекомых, свирепых львов и гигантских пауков, она придумала собственные мотивы, неизменно построенные на сочетании противоположностей. Это были полумужские, полуженские лица, тела наполовину человеческие, наполовину звериные, деревья наполовину высохшие, наполовину покрытые цветами.

Однако ее эскизы не пользовались успехом. Клиенты делали татуировки, чтобы заявить о себе, а не для того, чтобы внести еще большую двусмысленность в свою и без того непонятную жизнь. Татуировка должна выражать простое и понятное чувство, а не какую-то абстрактную идею. Зелиха

сделала выводы, разработала новую серию эскизов, собрание разных мотивов, под общим названием: «Избавление от неугасимой сердечной боли».

Каждая татуировка из этой особой коллекции была посвящена одному человеку – бывшему возлюбленному. Покинутые и отчаявшиеся, оскорбленные и негодующие приносили фотографию бывшего возлюбленного, которого хотели навсегда вычеркнуть из своей жизни, но почему-то никак не могли разлюбить. Зелиха внимательно вглядывалась в фотографию и старалась сообразить, на какое животное похож изображенный на ней человек. Дело оставалось за малым. Она рисовала животное и наносила рисунок на тело покинутого. Все это следовало древней шаманской традиции, обучающей одновременно переживать свои тотемы изнутри и облекать их во внешнюю форму. Чтобы обрести силы перед лицом врага, было необходимо встретить его, принять и преобразить. Они впитывали бывшего возлюбленного в себя, впрыскивали в собственное тело и одновременно выносили его за пределы тела, на поверхность кожи. После того как ловко превращенный в животное бывший возлюбленный оказывался на границе внутреннего и внешнего, менялась расстановка сил между покинутым и покинувшим. Теперь татуированный клиент чувствовал свое превосходство, словно завладел ключиком к душе бывшего возлюбленного. На этой стадии бывший предмет терял свое очарование, и страдавшие от неугасимой сердечной боли наконец освобожда-

лись от наваждения, ведь любовь любит власть. Вот почему мы сами смертельно влюбляемся, но почти никогда не отвечаем взаимностью тем, кто смертельно влюблен в нас.

Стамбул был городом разбитых сердец, и тетушка Зелиха быстро раскрутилась и сделалась особенно знаменита в божественных кругах.

Асия отвела глаза, чтобы больше не смотреть на мать, которую она, кстати, никогда не называла мамой, но только тетей, словно не желала подпускать к себе слишком близко. Ей вдруг стало очень жалко себя. Аллах ужасно несправедлив. Почему он сделал так, что дочь настолько уступает в красоте собственной матери?

– Вы что, не понимаете, почему Асия в этом году отказывается от торта? – спросила тетушка Зелиха, придирчиво рассмотрев свой маникюр. – Она боится растолстеть.

Асия знала, что нет большей ошибки, чем демонстрировать матери свой вспыльчивый нрав, но все же в ярости воскликнула:

– Неправда!

Только тогда она обратила внимание на поднос в руках у тетушки Фериде. На нем лежали два больших шара: из скатанного теста и из мясного фарша. Это значило, что на ужин будут манты.

– Сколько раз вам надо повторять, что я не люблю манты! – взывала Асия. – Вы же знаете, я больше не ем мясо.

Собственный голос показался ей каким-то хриплым и чу-

жим.

– Я же говорю, боится потолстеть, – покачала головой тетушка Зелиха и откинула упавшую на лицо смоляную прядь.

– А слово «вегетарианка» ты никогда не слышала? – Асия тоже тряхнула головой, но прядь волос откидывать не стала, удержалась, не хотела подражать материнским повадкам.

– Слышала, конечно, – сказала Зелиха и расправила плечи. – Но не забывай, дорогая, – продолжила она мягче, понимая, что так звучит убедительнее, – ты Казанчи, а не вегетарианка... – (У Асии вдруг пересохло во рту, она с усилием сглотнула.) – А мы, Казанчи, обожаем красное мясо, чем краснее, тем лучше. Не веришь? Спроси Султана Пятого. Правда ведь, а, Султан? – Зелиха кивнула жирному коту, лежавшему на бархатной подушке у балконной двери.

Он повернул к ней голову и посмотрел затуманенным взглядом прищуренных глаз, словно хотел сказать, что все понял и полностью с ней согласен.

Тетушка Бану перетасовала колоду Таро и проворчала из угла:

– В этой стране есть бедняки, которые прозябают в такой нищете, что даже и не узнали бы никогда, каково красное мясо на вкус, если бы добрые мусульмане не одаряли их милостыней в праздник жертвоприношения. Им только тогда и удастся нормально поесть. Ты пойди к этим несчастным и спроси у них про вегетарианство. Должно благодарить Всевышнего за каждый кусочек мяса на твоей тарелке, ведь он

символизирует богатство и изобилие.

– Дурдом! Мы тут все чокнутые, все до единой. – Асия повторила свою мантру упавшим голосом. – Все, дорогие дамы, я ухожу. Вы можете есть и пить что хотите, а я опаздываю на балет.

Никто не заметил, что слово «балет» она фыркнула, словно выплюнула мокроту, которую и в себе держать невозможно, и сплевывать противно.

Глава 5

Ваниль

Маленькое кафе под названием «Кундера» располагалось на узкой извилистой улочке в европейской части Стамбула и было единственным в городе, где посетители не утруждали себя лишними разговорами, а официанты получали чаевые за хамство. Никто не знал, как и почему кафе назвали в честь знаменитого писателя, тем более что в самом заведении ничто, буквально ничто не напоминало ни о Милане Кундере, ни о его сочинениях.

Все стены были увешаны сотнями рамок всех возможных форм и размеров. В них были вставлены мириады фотографий, картинок и рисунков, так что посетители начинали сомневаться, есть ли под ними стены. Казалось, все здание было построено из рамок, а не из кирпичей. Все до единой рамки заключали в себе изображения дорог со всего света. Широкие американские магистрали, бесконечные австралийские автострады, забитые машинами немецкие автобаны, роскошные парижские бульвары, тесные римские улочки, узкие тропы в Мачу-Пикчу, заброшенные караванные пути в Северной Африке и карты древних торговых маршрутов вдоль Великого шелкового пути, по которым некогда путешествовал Марко Поло. Посетители ничего не имели про-

тив такого убранства. Им казалось, что это полезная замена бесполезного и бесцельного трепа. Если надоело болтать, можно выбрать какую-нибудь рамку, в зависимости от того, где стоит столик и на чем именно сегодня хочется остановить взгляд. Выбрав картинку, люди вперяли в нее затуманенный взор и постепенно удалялись в далекие края. Они всей душой стремились оказаться где-то там, где угодно, только не здесь. А на следующий день можно было отправиться куда-нибудь еще.

Любая из картин и фотографий могла увести вас сколь угодно далеко, но одно можно было сказать наверняка: они не имели никакого отношения к Милану Кундере. Согласно одной из гипотез, вскоре после того, как кафе открылось, знаменитого писателя занесло в Стамбул, он шел по каким-то делам и случайно заскочил сюда выпить капучино. Кофе никуда не годился, прилагавшееся к нему ванильное печенье и вовсе показалось писателю гадким, но он все-таки заказал еще чашку и, никем не признанный, даже умудрился немного поработать. С этого дня кафе и получило свое название.

Другая теория гласила, что владелец кафе запоем читал Кундери. Он проглотил все его книги, причем на каждой был автограф мастера, и в итоге решил посвятить любимому писателю свое заведение. Эту точку зрения можно было бы считать более правдоподобной, не будь хозяином кафе некий певец и музыкант средних лет, неизменно подтянутый и за-

горелый. Он на дух не переносил печатное слово, настолько, что даже не читал слова песен, которые его группа исполняла на пятничных концертах.

Противники такой теории приводили другой аргумент: они утверждали, что кафе — лишь плод больного воображения. Оно было фикцией, и фикцией были его постоянные посетители. Какое-то время назад Кундера задумал очередную книгу и начал писать об этом кафе, вдохнув в него таким образом беспорядочную жизнь. Но вскоре его отвлекли куда более важные дела: приглашения, симпозиумы, вручения литературных премий, и во всей этой лихорадочной суете он напрочь забыл о жалкой стамбульской дыре, которая ему одному была обязана самым фактом своего существования. С тех пор посетители и официанты кафе «Кундера» изо всех сил пытаются преодолеть чувство пустоты, переживая мрачные футурологические прогнозы, кривятся, похлебывая турецкий кофе из чашечек для эспрессо, надеются обрести смысл жизни, сыграв главную роль в какой-нибудь высокоинтеллектуальной драме.

Из всех теорий, объяснявших название кафе, именно эта пользовалась наибольшим успехом. И все же время от времени какой-нибудь новичок, желая привлечь к себе внимание, выдвигал очередную гипотезу, а остальные ненадолго подпадали под ее очарование, позволяли себя убедить и какое-то время носились с новой теорией. Но потом им это надоедало, и они снова погружались в свою мрачную трясиину.

Сегодня Карикатурист-Пьяница тоже решил ради развлечения предложить собственное объяснение названия кафе, а его друзья и даже жена считали своим долгом слушать его со всем возможным вниманием. Они хотели поддержать его долгожданный почин: Карикатурист-Пьяница наконец решился внять их давнишним мольбам и вступить в ряды анонимных алкоголиков.

Но это была не единственная причина, заставлявшая его спутников относиться к нему с особым сочувствием. Дело в том, что сегодня его уже во второй раз привлекли за оскорбляющие премьер-министра карикатуры, и в случае обвинительного приговора ему грозило до трех лет тюрьмы. Карикатурист-Пьяница прославился серией политических шаржей, в которой изобразил кабинет министров в виде отары овец, а премьера – как волка в овечьей шкуре. Теперь эти рисунки попали под запрет, и он собирался нарисовать кабинет министров в виде волчьей стаи, а премьера – как шакала в волчьей шкуре. Если и это не пройдет, он придумал беспроегрышный выход: пингвины. Точно, парламент в полном составе в виде пингвинов в смокингах.

– Слушайте, вот моя новая гипотеза! – заявил Карикатурист-Пьяница.

Он не подозревал, что его все жалеют, и был немного удивлен тем, что приятели и даже жена слушают его с таким интересом.

Это был крупный мужчина с аристократическим профи-

лем, высокими скулами, пронзительными синими глазами и горькой складкой у рта. Скорбь и тоска были его привычным состоянием, но недавно его обычное уныние удвоилось от безнадежной любви.

Глядя на него, сложно было поверить, что этот человек зарабатывает на жизнь остроумием, и еще сложнее представить, что в этой скорбно опущенной голове рождались невероятно смешные шутки. Он всегда много пил, но в последнее время совсем слетел с катушек. Периодически он просыпался в каких-то сомнительных, совершенно незнакомых местах. Последней каплей стало пробуждение на плоском камне для омовения усопших во дворе какой-то мечети. Очевидно, он отрубился, репетируя собственные похороны. Продрав глаза на рассвете, он увидел над собой перепуганного молодого имама. Юноша шел на утреннюю молитву и с ужасом обнаружил, что на предназначенном для мертвецов камне кто-то громко храпит. После этого происшествия друзья и даже жена Карикатуриста-Пьяницы страшно переполошились и погнали его к специалистам – пора, мол, обратиться за профессиональной помощью, а не то совсем свою жизнь загубит.

И вот сегодня он сходил на собрание анонимных алкоголиков и торжественно обещал завязать с выпивкой. По этому случаю вся сидевшая за столиком компания, включая даже его жену, вежливо откинулась на спинки стульев, всем видом показывая, что с интересом выслушает любую его гипотезу.

– Кафе так называется потому, что слово «Кундера» – это некий секретный пароль. И вообще, суть не в том, как место называется, а в том, о чем это название говорит.

– И о чем же? – спросил Интернационалист – Сценарист Ультранационалистических Фильмов.

Он был маленького роста и худощав, а с некоторых пор понял, что молоденькие женщины предпочитают зрелых мужчин, и стал красить бороду под седину. Он был автором идеи и сценария популярнейшего телесериала «Тимур Львиное Сердце» – фильма, в котором brutальный и мощный национальный герой с легкостью превращал полчища врагов в кровавую кашу. Когда с ним заговаривали обо всех этих низкопробных шоу и сериалах, он уверял, что националист лишь по профессии, а в душе – истинный нигилист. Сегодня он привел очередную подружку, миловидную и эффектную, но довольно поверхностную девицу. Мужчины между собой называли таких особ «закусками» – сыт не будешь, но почему бы не перекусить.

Он заглотил горсть кешью из стоявшей на столе миски, обнял подружку и с грубым хохотом спросил:

– Ну, валяй, что за пароль такой?

– Скука, – ответил Карикатурист-Пьяница, затягиваясь сигаретой.

Завсегдатаи кафе дымили, как паровозы, и из всех углов поднимались клубы сигаретного дыма. Легкое облачко лениво поплыло и слилось с нависавшей над столом серой тучей.

Только один человек за их столиком не курил. Это был Публицист Тайный Гей. Он ненавидел запах сигаретного дыма и, приходя домой, сразу переодевался, только бы избавиться от стоявшего в кафе «Кундера» зловония. Но он никогда не мешал другим курить. И продолжал ходить в кафе. Он постоянно бывал здесь по двум причинам: ему нравилось быть частью этой разношерстной компании, а еще он был равнодушен к Карикатуристу-Пьянице.

О телесной близости с Карикатуристом-Пьяницей Публицист Тайный Гей даже и не мечтал. Его трести начинало при одной мысли о том, каков тот без одежды. Нет, дело совсем не в сексе, заверял он сам себя, дело в родстве душ. К тому же на его пути было два серьезных препятствия. Во-первых, Карикатурист-Пьяница любил только женщин и явно не собирался менять свои вкусы. Во-вторых, он по уши втюрился в эту унылую, мрачную Асию. Это уже давно было ясно всем, кроме самой девицы. Так что Публицист Тайный Гей не надеялся завести роман с Карикатуристом-Пьяницей. Он просто хотел быть рядом. Его то и дело пробирала дрожь, когда Карикатурист-Пьяница, потянувшись за стаканом или пепельницей, случайно касался его руки или плеча. При этом вел он себя с приятелем нарочито сухо и ни с того ни с сего разносил в пух и прах все его высказывания, чтобы никто ненароком не подумал, что его как-то особенно интересует Карикатурист-Пьяница и вообще мужчины. Все было очень запутанно.

– Скука, – заметил Карикатурист-Пьяница, выпив залпом латте, – одним этим словом можно описать всю нашу жизнь. День за днем мы погрязаем в тоске. Спрашивается: почему? Потому что забились в эту нору и боимся высунуть из нее нос, чтобы не столкнуться с нашей собственной культурой. Западные политики говорят о глубоком культурном разрыве между западной и восточной цивилизацией. Увы, все сложнее. Настоящий разрыв – посреди нашего общества, между одними турками и другими. Мы с вами лишь кучка образованных горожан в окружении жлобов и деревенщины. Они заполонили весь город. – Он покосился на окно, словно боялся, что его вот-вот проломит разъяренная толпа, ворвется в кафе, разнесет все дубинами и расстреляет из пушек. – Им принадлежат улицы, им принадлежат рынки, им принадлежат паромы. Да им теперь принадлежит всякое открытое пространство. Еще через пару лет это кафе может стать нашим единственным приютом. Последним оплотом нашей свободы. Каждый день мы бежим сюда, чтобы найти прибежище от них. О да, от них. Боже, спаси нас от нашего народа!

– Это все поэзия, – сказал Исключительно Бездарный Поэт; будучи исключительно бездарным, он имел обыкновение во всем видеть поэзию. – Мы застряли. Мы застряли между Востоком и Западом. Между прошлым и будущим. С одной стороны, светские модернисты, которые так гордятся установленным режимом, что не дают и слова поперек сказать.

На их стороне армия и половина страны. С другой – обычные традиционалисты, которые тоже не дают слова поперек сказать, потому что одержимы прошлым Великой Порты. Их поддерживает широкая общественность и другая половина страны. А нам что остается? – Он снова вложил сигарету в бледные запекшиеся губы, и там она и осталась. – Модернисты гонят нас вперед, но мы в их прогресс не верим. Традиционалисты гонят назад, но к их идеальному порядку мы тоже не хотим возвращаться. И вот так мы и оказались зажаты между двумя крайностями, делаем шаг вперед и два шага назад, как военный оркестр в османской армии. Но мы даже играть ни на чем не умеем. И куда нам бежать? Нас даже меньшинством назвать нельзя. Эх, были бы мы каким-нибудь национальным меньшинством или коренным народом под охраной Хартии ООН! Тогда у нас бы были основные права. Но нигилистов, анархистов и пессимистов никто меньшинством не считает или хотя бы исчезающим видом. Нас меньше и меньше с каждым днем. Как скоро мы вымерем?

Вопрос повис где-то под облаком сигаретного дыма. Жена Карикатуриста-Пьяницы, женщина, которая тоже была художницей, более талантливой, но менее известной, чем муж, не знала, что сделать: то ли, как ей очень хотелось, в очередной раз клюнуть мужа, что она привыкла делать за двенадцать лет брака, то ли поддержать любую его придурь, как полагается образцовой жене. Они на дух друг друга не пере-

носили. И тем не менее продолжали цепляться за свой брак, она – из мстительных соображений, а он – в надежде на то, что станет лучше. Они уже и разговаривали, и жестикулировали одинаково. Даже карикатуры у них получались похожие. Оба рисовали депрессивных уродцев, которые обменивались странно закрученными репликами и попадали в грустные и абсурдные ситуации.

– Знаете, кто мы? Мы отребье этой страны, какое-то жалко булькающее болото. Все остальные только и думают о том, чтобы вступить в Евросоюз, заключить сделку повыгоднее, купить акции и подороже продать машины и подружек.

Интернационалист – Сценарист Ультранационалистических Фильмов нервно заерзал на стуле.

– И тут на сцену выходит Кундера, – продолжил Карикатурист-Пьяница, даже не заметив собственной бестактности. – Наша жизнь проникнута этой его легкостью, только в виде бессмысленной пустоты. Все наше существование – какой-то кич, красивая ложь, отрицание реальности, только чтобы забыть о том, что смерть есть и мы все умрем. Именно это...

Его выступление оборвал звон колокольчиков. Дверь распахнулась, и в кафе вошла девушка, имевшая не по возрасту усталый и озлобленный вид.

– О, Асия! – воскликнул Интернационалист – Сценарист Ультранационалистических Фильмов, словно она была долгожданным спасителем, который положит конец их идиотскому разговору. – Давай сюда, мы тут.

Асия Казанчи ответила полуулыбкой и одновременно слегка нахмурилась, словно хотела сказать: «Ну ладно, ребята, посижу с вами немного, мне без разницы, жизнь все равно отстой». Она медленно подошла к столу, словно тащила на спине невидимый груз, безучастно поздоровалась со всеми, села и принялась вертеть самокрутку.

– А что ты вообще здесь делаешь? У тебя же сейчас балет? – спросил Карикатурист-Пьяница, совсем забыв, что только что толкал речь.

Все, кроме жены, заметили, с каким блеском в глазах и как внимательно он на нее смотрел.

– Именно там я и нахожусь, в балетном классе. – Асия набивала скрученную бумажку табаком. – И в данный момент как раз исполняю кабриоль, один из самых сложных прыжков, при котором в воздухе подбиваю одну ногу другой под углом сорок пять и девяносто градусов...

– Ого! – улыбнулся Карикатурист-Пьяница.

– Потом я делаю прыжок с поворотом, – продолжила Асия, – правую ногу вперед, полуплие, прыжок! – Она подняла в воздух кожаный кисет для табака. – Поворот на сто восемьдесят градусов. – (Из раскрученного кисета крошки табака просыпались на стол.) – Приземляемся на левую ногу! – (Кисет лег рядом с мисочкой с кешью.) – А потом повторяем все еще раз и возвращаемся в исходную позицию.

– Балет – это поэзия тела, – пробормотал Исключительно Бездарный Поэт.

На всех нашло какое-то угрюмое оцепенение. Где-то вдалеке шумел город, сирены «скорой помощи», гудки автомобилей, возгласы и смех мешались с криками чаек. В кафе заходили новые посетители, кто-то, наоборот, уходил. Официант споткнулся и уронил поднос со стаканами. Другой принес швабру и принялся подметать осколки, посетители равнодушно наблюдали. Официанты здесь не задерживались. Смены были длинные, платили мало. Но ни один официант не ушел сам, до сих пор они просто делали все для того, чтобы их уволили. Это было такое свойство кафе «Кундера». Стоило раз в него войти – и все, ты застревал, пока оно само тебя не выплевывало.

Прошло еще полчаса. Кто-то из сидевших за их столиком заказал кофе, другие попросили пива. А потом первые заказали пиво, а вторые – кофе. Так и пошло. Только Карикатурист-Пьяница продолжал пить латте и грызть ванильное печенье, теперь уже с видимым отвращением. В любом случае все делалось как-то вразнобой, но именно в этом разладе был свой особый ритм. За это Асия и любила кафе: за сонное оцепенение и абсурдную дисгармонию. Оно как будто находилось где-то вне времени и пространства. Стамбул был вечно охвачен спешкой, а в кафе «Кундера» царила апатия. Люди снаружи цеплялись друг за друга; чтобы скрыть свое одиночество, они притворялись, будто ближе друг к другу, чем на самом деле. А здесь все было наоборот, здесь все притворялись намного более отстраненными, чем в действительности.

сти. Это место словно отрицало существование всего города.

Асия затаилась сигаретой и наслаждалась бездельем, всецело предалась ничегонеделанию, пока Карикатурист-Пьяница не обратился к ней, поглядев на часы:

– Уже семь сорок, дорогая, твой балет закончился.

– Тебе что, пора уходить? У тебя такая старомодная семья? – ляпнула подружка Интернационалиста – Сценариста Ультранационалистических Фильмов. – И почему они заставляют тебя заниматься балетом, если это тебе не по душе?

Это была общая беда сменявших друг друга девушек Интернационалиста – Сценариста Ультранационалистических Фильмов: они так хотели подружиться со всей компанией, что начинали задавать слишком много личных вопросов, делали слишком много бестактных замечаний и, увы, терпели полное фиаско: им было невдомек, что приятелей спланивало именно отсутствие серьезного и непритворного интереса к частной жизни другого.

– И как ты можешь жить со всеми этими тетушками? – продолжила подружка Интернационалиста – Сценариста Ультранационалистических Фильмов, не замечая, как у Асии вытягивается лицо. – Боже правый, столько женщин под одной крышей, и все пытаются выступать в роли мамочки!.. Да я бы и минуты не выдержала.

Это было слишком. Даже в такой разношерстной компании имелись свои неписанные законы, и никому не позволялось их нарушать. Асия чихнула. Она терпеть не могла жен-

щин, но, на беду, сама принадлежала к их числу. Стоило ей познакомиться с женщиной, она или сразу начинала ее ненавидеть, или ждала, что вот-вот возненавидит.

— А у меня нет нормальной семьи в привычном смысле этого слова. — Асия свысока посмотрела на нее, надеясь остановить дальнейшее словоизвержение.

И тут она заметила, что над правым плечом собеседницы поблескивает серебряная рамка. Это была фотография дороги, ведущей к Красной лагуне в Боливии. Эх, ехать бы сейчас по этой дороге!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.